

Александр Радьевич Андреев

Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года

Сражение русского войска под началом князей Воротынского и Хворостинина с войском крымского хана Девлет Гирея под Серпуховом

Документальная хроника XVI века^[1]

«И того лета крымский царь и царевичи приходили к Серпухову и было ему дело на Молодех у Воскресения с государевыми воеводами, и с тех мест и назад пошел».

Разрядная Книга

«И солнце на западе последними своими лучами освящало храбрые подвиги сражающихся войск, а при восхождении своем те же начинающиеся подвиги зрило».

М.М. Щербатов. История российская

«Сей день принадлежит к числу великих дней нашей воинской славы».

Н.М. Карамзин

XVI век для России был веком кровопролитной борьбы русского народа, отстаившего свою государственную независимость в ходе многочисленных войн. В течение XVI века Россия семь раз воевала с Ливонией, Польшей и Литвой, трижды со Швецией, – каждый второй год столетия был военный.

Основные проблемы, вставшие перед Россией в XVI веке, были проблема балтийская, польско-литовская, проблема Турции, Казани, Астрахани и Крыма. Решение этих проблем требовало денег, сильного войска, развитых ремесел. Именно в этот период была создана русская регулярная армия, отлажена ее организация, стратегия и тактика, создано новое вооружение. Основными стратегическими задачами русского войска были активная оборона границ страны от вражеских нападений, обеспечение возврата исконно русских земель, захваченных Литвой, Ливонией и Швецией, завоевание выходов к берегам Балтийского и Каспийского морей. России пришлось отстаивать и свое политическое существование. Решение этих проблем было закончено во время царствования Екатерины II. Но начало было положено именно тогда, когда Московское государство смогло отстоять свою независимость от объединенного удара Польши, Литвы, Швеции, Турции и татарских ханств.

Профессор Московского университета Н.А. Смирнов писал в книге «Россия и Турция в XVI–XVII веках», изданной в Москве в 1946 году:

«Все документы единогласно говорят о том, что в XVI веке имела место длительная и упорная борьба русского народа с турецким нашествием на русскую землю, с нашествием, которое шло со стороны Черного и Азовского морей.

Турецкое наступление на Русское государство в XVI–XVII веках проходило по трем основным направлениям: через Молдавию и Валахию на украинскую землю, через Крым, в лице крымского хана, на центральные районы государства, и через Черное море, устье Дона и Азов на Поволжье и юго-восточные окраины государства».

После набега-нашествия и сожжения Москвы 1571 года, ставшего самым удачным для Крымского ханства в XVI веке, Девлет Гирей запоздало решил стать вторым Батыем. Вместе с турецким султаном он надеялся захватить и отделить от Московского царства среднее и нижнее Поволжье – бывшие Казанские и Астраханские ханства – и восстановить зависимость Москвы от татар, теперь уже крымских – турецких вассалов. 30 июля 1572 года у селения Молоди под Серпуховом, в 60 километрах от Москвы, началось пятидневное сражение, ставшее в один ряд с Куликовской и Полтавской битвами. Бородинским сражением. Московское царство, практически раздавленное властью правнука Мамая царя Ивана Грозного, в случае поражения опять могло потерять свою независимость завоеванную в тяжелейшей многолетней борьбе.

Что ждало впереди Россию – потеря государственности или сохранение независимости?

Ответ дали русские воины.

Исторические документы о сражении у Молодей

Новгородская вторая летопись. Год 7080 (1572 год).

Да того же месяца августа 6 в среду, государю радость, привезли в Новгород Крымскаго луку два да дви сабли да и садачки стрелами, Алексей Григорьев Давыдова да князь Данила Андреевич Ногтева, Назарьевских князей Суздальских, сеунча; а приехал царь Крымской к Москве, а с ним силы его 100 тысяч и двадцать, да сын его царевич, да внук его, да дядя его, да воевода Дивий мурза – и пособи бог нашим воеводам Московским над Крымского силою царя, князю Михаилу Ивановичю Воротынскому и иным воеводам Московским государевым, и Крымской царь побежал от них неvirно, не путми не дорогами, в мале дружине; а наши воеводы силы у Крымского царя убили 100 тысяч: на Рожай на речку, под Воскресеньем в Молодех, на Лопаете, в Хотинском уезде, было дело князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с Крымским царем и с его воеводами, «с царьми с Кошинскими безбожного Крымскаго», а было дело от Москвы за пятьдесят верст. И того же дни в Новигороди звонили по всим церквам весь день в колоколы, и до полуночи звонили, и молебны пели по церквам и по монастырем всю ночь. Да того месяца в 7, архиепископ Новгороцкый Леонид бил молебны в Софии Премудрости Божий, и приходили того же дни священницы с соборы своими, со кресты и с иконами, и царь православный и с царевичи был у молебнов; и того же дни царю государю радость: побили Крымского людей наши воеводы, и государь воевод жаловал добре; и звонили в колоколы того дни у Софии Премудрости Божий много. Да того же лета царь православной многих своих детей боярских метал в Волхову реку с камением, топил. Да того же месяца 9 в субботу, мурзу Дивиа привезли в Новгород ко государю жива; и государь мурзу приказал ко князю Борису Давыдовичю Тулупова, на бреженье, на улицу на Рогатицю.

ПСРЛ, т. III, СПб, 1841.

Пискаревский летописец. 1571–1572 годы.

О приходе Цареве на Молоди. Лета 7080-го виде царь крымский гнев божий над Русскою землею попущением божиим за грехи наша. И прииде царь с великими похвалами и с многими силами на Русскую землю и росписав всю Русскую землю комуждо что дати, как при Батые. И прииде преже на Тулу и посады пожег. И от Тулы к берегу, а на берегу в Серпухове стоят воеводы изо всех полков: князь Михаиле Иванович Воротынской с товарищи. И тут царя через Оку не перепустили. И пошел Дивей вверх по Оке и против Дракина перелез реку и пришел на воевод с Тулы от города. И воеводы бився с ним, и пошли к Москве розными дорогами юи с обозом и пришли за три часы до царева приходу и с обозом со всех дорог, смотрением божиим, вдруг на Молоди и обоз поставили и ров выкопали и травитися стали. И тут, божиим милосердием, многих людей у него побили и поймали и Дивея взяли, и Ширинских князей и царевича астраханскова и многих побили. А Дивея взяли в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково. И царь стоял два дни и пошел назад. А в полках учал быта голод людем и лошадем великой. Аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде. А князь велики в ту пору был в Новегороде в Великом со всем, а на Москве оставил князя Юрья Токмакова с товарищи. А, как царь стоял на Молодех, и князь Юрья, умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз,

чтобы сидели безстрашно: а идет рать наугородцкая многая, и царь того гонца взял и пытал и казнил, а сам пошел тотчас назад. А Дивея послали в Новгород к государю и тамо скончася.

Материалы по истории СССР. Вып. 2. М, 1955.

Краткий летописец времен опричнины. 1571–1572 годы.

Лета 7079-го. Крымской царь Сагин Гирей пришед к Москве посады пожже на Вознесениев день, а на завтрее и прочь поиде, и грех ради наших в городе вся изгореша. Лета 7080-го. Тот же царь Крымской пришед с похвалою, хотя грады разоряти и христианство погубляти, и реку Оку в трех местах перелез со многим воинством и божею невидимую помощию государя нашего воеводы на людей его приходили во многих местех и лучшего его воеводу Дивий мурзу поймали и многих людей его побили и самого царя прогнаша, а князь великий в ту время в Новгороде в Великом был.

Исторические записки, т. 10, М, 1940.

Письмо папского легата в Польше к кардиналу епископу Комскому, об одержанной Московским войском победе над татарами.

All Jlimo t Rmo Signor Cardinal di Como.

An 1572. Dopo quello, che scrissi ieri e venuto dviso da Vilna, chei Tartari avendo gia vinto la battaglia con i Moscoviti, nel dividere la preda sono stati assaltati daun altro esercito del Mosco, et tagliati tutti a pezzi. Sara con questa un poco di Cifra Eta. V.S. Jllma bacio riverente mente le mani.

Di V.S. Jllma e Rma

Di Suleovia 3. Octobre 1572.

Umilissimo Servitore

Jl Card. Commendone.

(Господину кардиналу в Комо. Октябрь 1572. Свидетельствую о противостоянии татарских и московитских войск, в результате которого московиты разгромили татар. Целую руки.)

Пограничные города Московского государства, в которых в XVI веке стояли русские полки, охранявшие южную границу

КОЛОМНА, город в 113 километрах к юго-востоку от Москвы. Расположен при слиянии рек Коломенка, Москва и Ока. Впервые упоминается в Лаврентьевской летописи в 1177 году как пограничный город Рязанского княжества и торгово-ремесленный центр. В 1301 году присоединен к Московскому княжеству. В 1359 году Коломна перешла к Дмитрию Донскому, который в 1380 году собирал здесь войско перед битвой на Куликовом поле. В 1552 году в Коломне Иван Грозный формировал полки перед походом на Казань. Стратегическое значение Коломны возросло после сооружения в 1523–1531 году по повелению великого князя Василия III мощного каменного кремля. Стратегическое значение Коломенского кремля возросло благодаря укреплению монастырей-пригородов – Староголутвина монастыря при впадении р. Москва в Оку (основан в 1374 году Сергием Радонежским) и Бобренева монастыря на левом берегу р. Москва (основан в 1381 году).

ТАРУСА, город в 70 километрах к северо-востоку от Калуги. Расположен на р. Ока, при впадении в нее р. Таруса. Впервые упоминается в 1246 году как центр удельного владения тарусского князя Юрия, сына Черниговского князя Михаила Всеволодовича. Известна как крупный опорный пункт на Оке. С конца XIV века – в Московском княжестве. Неоднократно подвергалась нападениям крымских татар (1521, 1591 и другие годы). В XVI–XVII веках Таруса – важный укрепленный пункт «береговой» защиты (по Оке) на южных подступах к Москве (в 1571 году под Тарусой произошло ожесточенное сражение русских полков с войсками крымского хана Девлет Гирея).

КАЛУГА, город в 188 километрах к юго-западу от Москвы. Расположен на р. Ока. Основан в середине XIV века, при московском князе Симеоне Гордом, как пограничная крепость (деревянная, с земляными валами) на юго-западных рубежах Московского княжества. Впервые упоминается в письменных источниках за 1371 год (в грамоте Литовского князя Ольгерда), позднее – в 1389 году, в завещании московского князя Дмитрия Донского, по которому Калуга отошла его сыну и вошла в состав удельного Можайского княжества. В XIV–XVI веках важная военная крепость, входила в систему береговой обороны Московского княжества по рекам Ока и Угра, именовавшуюся Пояс Богородицы. Обороной Калуги руководили воеводы, назначаемые великим князем Московским. В 1505–1518 году самостоятельное удельное княжество. В 1512 году, после отражения набега крымских татар, крепость перенесена на новое, стратегически более выгодное место – высокую площадку между обрывистыми берегами Оки, Березуйского оврага и речки Городенки. В XVI веке известна как торговый пункт (в Москву, а также в Литву и другие соседние государства вывозилась деревянная посуда), процветает искусство иконописи.

КАШИРА, город в 115 километрах к югу от Москвы. Расположен на высоком правом берегу р. Ока. Впервые упоминается как село Кашира в духовной грамоте московского князя Ивана II Красного в 1356 году. С конца XV века неоднократно жаловалась «в кормление» бывшим казанским царям Магмет-Амину, Абдулу, Летифу, Шигалею. В 1531 году на береговом холме у устья р. Каширки была возведена мощная деревянно-земляная крепость для защиты южных

подступов к Москве и переправ через Оку. После нашествия Девлет Гирея и эпидемии чумы 1571 года Кашира запустела.

ЛОПАСНЯ – ЧЕХОВ, город в 77 километрах к югу от Москвы. Расположен на р. Лопасня (левый приток Оки).

СЕРПУХОВ, город в 99 километрах к югу от Москвы. Расположен на реке Нара, вблизи впадения ее в р. Ока. Впервые упоминается в 1328 году в завещании московского князя Ивана Калиты. В 1341–1456 годах – центр Серпуховского удельного княжества, затем – в составе Московского государства. Во второй половине XIV века на подступах к Серпухову были сооружены основанный митрополитом Алексием Владычный (1360 год) и основанный Сергием Радонежским Высоцкий (1374 год) форпосты-монастыри, заложен деревянный кремль. В 1380 году серпуховский князь Владимир Андреевич с дружиной участвовал в Куликовской битве и получил прозвище Храбрый. Серпухов неоднократно подвергался нападениям и осаде (войсками Тохтамышя в 1382 году, Едигея в 1408 году, Свидригайло в 1410 году). Около 1556 года по указу Ивана Грозного на месте деревянного был построен каменный кремль, в 1618 году выдержавший осаду войск украинского гетмана П.К. Сагайдачного. С XVI века в Серпухове были развиты добыча и обработка металла («серпуховское» железо продавалось в Москве, Вологде, Туле и Сибири).

Древнее ядро Серпухова – кремлевский холм, высокий мыс на левом берегу Нары, при впадении в нее р. Серпейка. От треугольного в плане белокаменного кремля (5 башен, 3 полубашни, высота стен 6,5–8,5 м) сохранились небольшие фрагменты восточного участка стены.

Глава 1. Россия, Турция, Казанское, Астраханское и Крымское ханства. XV век

Русское централизованное государство, получившее название «Великая Русь» почти полностью сложилось во второй половине XV века, при великом московском князе Иване III Васильевиче, и включало в себя земли Владимиро-Суздальской, Новгородской, Смоленской и Рязанской земли. Почти тогда же – в первой половине XV века – прекратила свое существование и распалась на отдельные полусамостоятельные ханства, в которых утвердились свои ханские династии, Золотая Орда – ханство, созданное в 1242 году внуком Чингисхана Батыем и более двухсот лет включавшее в себя урало-каспийские степи, земли Хорезмийского султаната, Руси и половецкие степи. В междуречье Иртыша и Тобола образовалось Сибирское ханство. Самым большим государственным образованием стала Большая Орда, занявшая степи между Волгой и Днепром. Там же, в приволжских степях в 1437 году было образовано Казанское, а немного позднее – Астраханское ханства. Тогда же от Большой орды отделились ногайские племена, кочевавшие по берегам Азовского и Черного морей, и Крымский улус, выделившийся в отдельное ханство. Официальное освобождение в 1480 году Руси от монголо-татарского ига – Иван III растоптал портрет хана Большой Орды – басму – и выиграл последующее знаменитое «стояние на Угре» – не означало полной и окончательной ликвидации угрозы завоевания молодого московского государства со стороны новых государств, возникших на развалинах Золотой Орды. Благодаря дальновидной внешней политике, проводимой Иваном III Васильевичем, совместными усилиями Москвы и Крымского ханства, находившихся тогда в военном союзе, в 1502 году была разбита и прекратила свое существование Большая Орда. Однако спокойствие не пришло на русскую землю – роль Золотой Орды по отношению к Москве попыталась исполнить Турецкая империя – Османская Порты, к концу XV века контролировавшая всю Малую Азию и Балканы, а с 1475 года – Крымский полуостров и значительную часть Северного Причерноморья. Именно тогда турецкий султан Мехмед II стал вмешиваться в дела восточноевропейских государств, в частности Молдавии и Валахии, в дела Казанского, Астраханского и Крымского ханств, которые должны были стать исполнителями его воли в Юго-Восточной Европе.

Власть: государственный строй, управление, территория

Государственный строй и система управления Московского царства в XVI веке были построены с учетом вековых традиций Киевской Руси и Владимиро-Суздальского княжества.

Во времена Киевской Руси государством руководили великий князь, высшие дружинники, княжеские и земские бояре. Земское боярство существовало в днепровских и ильменских славянских племенах уже в VII–VIII веках, а возможно и ранее. Звание боярина имели крупные землевладельцы и известные воины – «сильнейшие люди страны». Земские бояре назывались по именам городов – черниговские, ростовские, суздальские. В войне и военных походах участвовали княжеская дружина, отряды княжеских и земских бояр и ополчение, состоявшее из жителей городов и сел. Внутреннее управление государством осуществлял великий князь, избранные советники и старейшая дружина. Старшие дружинники – «передние, лешие мужи» – назывались княжескими боярами. Основную постоянную военную силу князя составляли «отроки» или «детские» младшей дружины. Высшие места в дворцовом и местном управлении Киевским государством занимали старшие дружинники – думцы князя. Они же назначались княжескими тиунами, конюшими, подъездными, посадниками, наместниками, тысяцкими и воеводами земских полков. Некоторые должности передавались по наследству. Старшие дружинники имели свои собственные военные отряды «отроков», подчинявшиеся только им. Младшие дружинники служили при княжеском дворе ключниками, конюхами и управляющими небольшими волостями. Лучшие «отроки», отличившиеся на военной и гражданской службе, переходили в старшую дружину. Княжеским воином в то время мог стать любой, даже иностранец, и из младших дружинников дослужиться до звания княжеского мужа или боярина. Княжеские бояре получали в награду за службу земли и сближались с земскими. Земские бояре старейших родов постепенно утрачивали свою независимость и обособленное положение, поступали на княжескую службу и в свою очередь сближались с княжеским двором. Бояре-землевладельцы в XIII–XIV веках пользовались большими привилегиями, практически освобождая их вотчины от подчиненности князю и подтверждавшимися особыми княжескими жалованными грамотами. Бояре-вотчинники имели право суда и сбора налогов. В военное время по приказу князя бояре обязаны были со своими дружинами участвовать в боевых действиях. Боярская служба была вольной, обязательной она стала только при Иване Васильевиче III. Бояре времен уделов назывались вольными слугами князей и в любое время могли отказаться от службы и перейти к другому князю. Такие условия постоянно обеспечивались особыми статьями княжеских договоров: «а боярам и слугам меж нас вольным воля».

В соответствии с общим правилом, действовавшим до XVI века, при переходе к другому князю бояре сохраняли все права на свои вотчины. В договоре великого князя Дмитрия Ивановича Донского и великого князя Михаила Александровича Тверского было указано: «А кто бояр и слуг отъехал от нас к тебе или от тебя к нам, а села их в нашей вотчине в Великом княжении, или в твоей вотчине в Твери, в те села нам и тебе не вступатися». При перемене службы боярские вотчины входили в состав земель нового князя. Однако с конца XIV века ситуация изменилась. В княжеских договорах стало указываться, что вотчина отъехавшего боярина остается у старого князя, при сохранении боярином своих прав частной собственности на землю. Боярин мог служить другому князю, но уже не вместе со своими землями.

В удельные времена появились особые княжеские слуги – слуги под дворским – подчиненные дворецкому и владевшие имениями, пожалованными им из дворцовых земель князя. Имения-поместья давались не в собственность, а при условии княжеской службы и

отбирались при уходе от князя. Поместье представляло собой деревню или несколько деревень с селом в центре, с пашенной землей, лугами и лесом.

Тогда же появились и дворные люди или дворяне, отличавшиеся от дворных слуг – наименование слуга было более почетным, чем наименование человек какого-то князя или боярина. Дворные люди или дворяне были, как правило, несвободными зависимыми дворовыми людьми, жившими при княжеском дворе для выполнения особых княжеских поручений или личных услуг. Слово «дворянин» впервые встречается в суздальской летописи в рассказе об убиении великого князя Андрея Боголюбского в 1175 году. Во времена уделов дворянами стали называть княжеских холопов и часть младших дружинников, живших во дворе князя. Они служили ключниками, тиунами, казначеями, посольскими – сельскими приказчиками, исполняли многочисленные обязанности по управлению княжеским двором. Во время войны или военных походов дворяне вместе с дворными слугами составляли особый княжеский полк. Главной службой княжеских слуг и дворян была служба военная.

В мирное время бояре и княжеские слуги служили наместниками и волостелями. Высший разряд княжеских слуг – введенные бояре – введенные во дворец для постоянной помощи князю в управлении государством – были советниками князя и составляли княжескую думу, служили тысяцкими, дворецкими, казначеями, окольниковыми.

Во главе княжеской службы стоял тысяцкий – предводитель земских полков и городского и сельского ополчения.

Главный дворский или дворецкий ведал двором и дворцом князя в стольном городе, всеми княжескими землями, контролировал владельцев этих земель, вел все княжеское хозяйство. Ему подчинялись княжеские слуги, дворяне и все дворские, ведавшие дворами и дворцами князя в других городах княжества.

Следующей по рангу была чисто придворная должность окольного. Окольные сопровождали великого князя во всех их походах и поездках. Позднее окольные всегда ездили впереди княжеского поезда, оборудовали стоянки и назначали дворы для княжеской свиты, ведали состоянием дорог и мостов.

Дворцовое хозяйство делилось на составные части – пути, что дословно означало «прок, выгода, доход». Существовал Сокольничий путь, ведавший княжеской птичьей охотой, Конюший путь, занимавшийся конюхами, лошадьми и государственными лугами. Известны Ловчий, Чашничий и Стольничий пути, имевшие слободы по производству воска, сбору меда, ловли рыбы и пушного зверя. Кормления и пути жаловались боярам за службу в качестве вознаграждения. Часть доходов шла в пользу должностных лиц.

Казначей ведал княжеской казной, куда кроме денег входило и все ценное дворцовое имущество – золотые сосуды, цепи, кресты, драгоценные камни и меха. Казначей ведал и таможенными доходами. Боярину-казначею подчинялись все остальные казначеи и тиуны, ведавшие княжеским имуществом, хранившимся в других городах.

В конце XV века в службу Ивану Васильевичу III перешли князья западно-русских областей, принадлежавших тогда Польше и Литве – Черниговские, Воротынские, Белевские, Вяземские, Одоевские, Новосильские, Новгород-Северские. Вместе с ними, в результате долгих войн Московского государства с Польшей и Литвой, к России вернулись девятнадцать городов и семьдесят волостей. При переходе к Ивану III западно-русские князья не становились подданными Великого князя всея Руси, а получали специальное звание «служилых князей», сохранявших владетельные права на свои уделы и не имевших никакого московского чина. Однако через некоторое время после присоединения западно-русских уделов к Москве черниговские и смоленские князья получили чины бояр. Только Иван Воротынский получил почетный титул «слуги».

В течение XV и XVI веков служилые князья, а также бояре и княжеские слуги вместе с землями с помощью укрепленных записей постепенно были закреплены за государством, а служилые князья утратили свои уделы. Взамен своих уделов служилые князья получали вотчины в других областях государства. Так, Иван Воротынский вместо Воротынска получил Одоев, а уже него сын Михаил владел только третью города, да и то по личному пожалованию. Во время правления Ивана III Васильевича бояре и княжеские слуги уже практически не пользовались правом отъезда, а в 1534 году в Московском государстве было принято новое правило о неотъезде служилых людей.

В архивах сохранилось сообщение о России, продиктованное в 1486 году в канцелярии Сфорца московским послом к герцогу Миланскому Д. Галеаццо греком Георгом Перкамотой:

«Когда этого посла спросили о делах страны Российской и о ее славнейшем государе, он говорил и утверждал, что земля России вся плоская, имеет в длину не менее двух тысяч миль и немногим меньше в ширину, и что она обильно населена и имеет множество больших городов, сел и деревень, и что он проехал верхом более тысячи двухсот миль по заселенным местам; направляясь в Италию, и что при других случаях он объехал верхом более тысячи пятьсот миль, и всюду она населена настолько, что одно село или деревня так близко расположены от другого, что ходят за огнем из одного в другое. Он говорил, что в России есть большие города; среди прочих Володимир, город весьма населенный и имеющий около 60 тысяч очагов, он назвал и другие, имеющие каждый около 30 тысяч очагов, а именно: Новгород, Псков и Москва. Он сказал, что там есть много других городов, числом более 60, имеющих от 4 до 6, 8 и 10 тысяч очагов в каждом. Деревень и сел количество бесконечное, но все дома в этих краях сделаны из дерева, за исключением немногих.

Границы России на востоке распространяются до Татарии и Кавказа, с юга и частично с запада она граничит с Литвой, которая находится между Россией, Богемией и Польшей; на север от России простирается, по его словам, большая пустынная равнина и море-океан».

В письмах Альберта Кампенезе к папе Клименту VII, написанных в первой половине XVI века так написано о России того времени:

«Московия, лежащая в дальнем от нас расстоянии, по направлению к востоку, занимает в длину и ширину огромное пространство. Протяжение ее от запада на восток составляет более 600 немецких миль или 3 тысячи миль итальянских. В ширину, то есть с юга на север, Московия простирается от земли руссов и Литвы вплоть до Океанов Скифского и Северного. С запада она граничит с Ливонией, Балтийским морем и Лапландией, а с востока не замыкается общими пределами Евроры, но простирается до Танаиса (Дона), составляющего границу Европы и Азии, и далее за Ра (Волгу), величайшую из рек Азиатской Сарматии, вплоть до Гиперборейской Скифии, лежащей на северо-восточном краю Азии.

Государство Московское, объемлющее значительное пространство в длину и ширину, включает в себе множество обширных областей и княжеств, из коих главнейшие будут ниже сего перечислены мною.

На север от Литвы прежде всего встречается княжество Псковское, имеющее до 330 итальянских миль и целою третью более в ширину. Столица сего княжества есть Псков (Плесков), обширный и укрепленный город на реке Двине. За несколько лет пред сим Василий, нынешний государь Московский, завоевал это княжество со всеми принадлежащими к нему землями, причем взял более 30 крепостей, хорошо снабженных и укрепленных, которыми Псков владел в Литве и в остальной части Московии. Коренных жителей перевел в свои владения, а Псков населил москвитянами.

На восток от онога находится княжество Смоленское, которое по пространству своему обширнее, нежели Псковское. Главный город его есть Смоленск при реке Борисфене (Днепре).

Василий недавно отнял это княжество у короля Польского и у литовцев и присоединил к своим владениям.

С севера и северо-востока Смоленское княжество граничит с Можайским княжеством, имеющим 350 итальянских миль в длину и столько же в ширину, Предшественник Василия Иоанн III отнял его силою оружия у Александра, предшественника ныне царствующего короля Польского Сигизмунда.

К северу от Можайского княжества лежит княжество Новгородское, в котором находится знаменитейший и богатейший из всех северных городов – Новгород. Он обширностью своей более Рима, зато строения в нем почти все деревянные. В Новгороде встречается столько богатых и великолепных монастырей и столько храмов, изящно и пышно разукрашенных, что для описания одной церкви святого Николая, весьма уважаемого москвитянами, потребуется не менее целого года.

Вот четыре обширные княжества, которыми в последние сорок лет значительно увеличилось государство Московское.

Собственно так называемая Московия, снабжающая великого князя, по требованию его, нужным количеством воинов, и где, сверх того, добровольно вписываются в воинскую службу многие благородные всадники, именуемые боярами и всегда готовые на брань по первому призыву государя своего, разделена на множество обширных княжеств и областей.

В Московском княжестве считается до 30 тысяч бояр или дворян, вписанных всадниками в воинскую службу и всегда готовых к бою по воле великого князя. Сверх того государь может всякий раз, когда только пожелает, собрать 60 и 70 тысяч пехоты из молодых людей, мужественных и уже совсем вооруженных».

Территория России к 1533 году составляла 280000 квадратных километров, а к концу XVI века – 5400000 квадратных километров. Население России в середине XVI века составляло 6 миллионов человек. В состав Московского государства к концу XVI века входили:

«Царственный» город Москва с ближайшими подмосковными землями; город защищали монастыри Данилов, Симонов, Новодевичий, Андроников и Донской монастыри, образованные до начала XVI века;

Московский край с городами Можайском, Волоколамском, Серпуховом, Каширой, Коломной, Звенигородом, Рузой, Вереей, Боровском, Дмитровом, Киржачем; в крае находились монастыри-крепости Троице-Сергиевский, Пафнутиев-Боровский, Иосифо-Волоколамский, Саввино-Сторожевский и Благовещенский;

Замоскворецкий край с городами Суздалем, Владимиром, Ростовом, Переяславлем-Залесским, Александровой слободой и Юрьевом-Польским;

Тверская земля с городами Тверью, Торжком, Кашиным. Старицей, Микулиным, Бежецким верхом, Ржевом, Осташковым и Макариевым Калязиным монастырем;

Заволжье с городами Угличем, Ярославлем, Костромой, Галичем, Чухломой и крупнейшим ремесленным центром по производству всевозможных изделий из металла, включая холодное и огнестрельное оружие – Устюжной Железопольской;

Север России – Поморье, включавшее в себя Двинские земли, Белозерский край, Печерский край, Пермскую землю, Заонежье и Кольский полуостров с городами Холмогорами, Белоозером, Вологдой, Тотьмой, Великим Устюгом, Архангельском, основанным в 1583 году, Пинегой, Пустозерском, Яренском, Усть Выпью, Усть-Сысольском, Сольвычегодском, Каргополом, Кемью, Сумью, Колой и Соловецким монастырем;

Новгородский край с городами Новгородом, Вышним Волочком, Новой и Старой Русой, Повенцем, Ладогой, Орешком, Ямом, Копорьем, Ивангородом, Корелой и Порховом;

Псковская земля с городами Псковом, Псково-Печерским Успенским монастырем,

Изборском, Островом, Опочкой, Великими Луками, Себежем и Велижем;

Смоленская земля с городами Смоленском, Торопцом, Вязьмой, Дорогобужем и Рославлем;

Заокские земли с городами Брянском и Калугой;

Тульские земли с городами Тулой, Дедиловом и Донковым;

Рязанские земли с городами Переяславлем-Рязанским, Пронском, Зарайском, Рязском, Михайловом и Муромом;

Северские земли с городами Путивлем, Новгородом-Северским, Рыльском и Стародубом;

часть «Дикого поля» с городами Орлом, Ливнами, Воронежем, Ельцом, Белгородом, Осколом, Валуйками, Кромами и Курском;

Нижнее Поволжье и часть Закамья с городами Нижним Новгородом, Балахной, Павловом, Арзамасом, Темниковом и Шацком;

Вятская земля с городами Хлыновом-Вяткой, Слободском и Шестаковым;

Закамские земли с городами Чердынью, Орлом-Каргеданом, Соликамском, Кийгородом и Пыскорским монастырем;

горная сторона Волги и чувашские земли с городами Свияжском, Чебоксарами и Васильсурском;

Казанская земля с городами Казанью, Лаишевом и Тетюшевом;

Астраханская земля с городами Астраханью, Самарой, Саратовом и Царицыным;

Башкирские земли;

часть земель Северного Кавказа – Кабарда.

Полный титул царя Федора Иоанновича при короновании на царство в 1584 году выглядел так:

«Божию милостию Царь и Великий князь, Федор Иоаннович, всеа Руси самодержец. Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных Государь и Великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всеа Сибирския земли и северные страны повелитель и иных многих Государств Государь и обладатель».

В начале XVI века в Московском государстве были великокняжеские владения, крупные удельные княжества, земли служилых князей и бояр, монастырские земли, вотчины и поместья детей боярских и дворян. Земли делились на уезды, волости, станы и вотчины знати, сложившиеся в соответствии с удельными владениями, существовавшими на Руси. Уезды делились на волости, волости на станы, а станы на села, деревни и починки. Села, как правило, являлись центрами крупного землевладения. В селе XVI века было обычно полтора десятка дворов, в деревне – пять или шесть, в починке – четыре.

С середины XVI века старую систему государственного управления – введенных и путных бояр и «Казенный двор» – сменила приказная система.

В середине XV века управление государством осуществляли бояре и дьяки – неродовитые грамотные чиновники, исполнявшие нерегулярные поручения царя. Постепенно эти поручения – «приказы» царя стали постоянными. Появились, должности казначея, печатника, разрядных и ямских дьяков. С увеличением объема работы в начале XVI века дьякам для письма придавались чиновники поменьше – подьячие, работавшие в особом помещении – «избе» – канцелярии. С середины XVI века «избы-канцелярии» были преобразованы в постоянно действующие государственные учреждения – приказы. Самым старым приказом, впервые упоминаемым в 1512 году, был Казенный приказ, возглавляемый казначеем и печатником – хранителем «большой государственной печати». Казенный приказ ведал дипломатическими отношениями

государства, поместными, ямскими и холопскими делами. В начале XVI века у казначея и печатника появились помощники – поместный, ямской и посольский дьяки. В Боярской Думе была создана Посольская изба. Позднее, с увеличением объема работ, были образованы Поместный, Ямской и Холопий приказы. В 1533 году начал работать Приказ большого прихода, ведавший сбором налогов и таможенных пошлин. В 1549 году Посольская изба была преобразована в Посольский приказ. Тогда же для контроля за деятельностью всех остальных приказов был создан Приказ тайных дел, в штате которого в течение всего XVI века был тайный дьяк и не более 6–7 подьячих. Местное управление в царстве осуществляли наместники и тиуны.

В январе 1547 года Иван Грозный изменил титул великого князя на царя и установил в России новую форму правления – самодержавную. Московское княжество стало царством. Управление страной осуществляли царь и Боярская Дума – высший законодательный орган, – утвердившая в 1550 году Судебник. Боярской Думе подчинялись все приказы и все местное управление царства, она руководила армией, вела все земельные дела, проводила переговоры с иностранными послами. После принятия Иваном Грозным титула царя в Боярской Думе появилась «комната» – «ближняя дума», состоявшая из нескольких наиболее верных царю людей, вместе с царем решавших важнейшие государственные дела. Тогда же стала действовать «Избранная рада» – неофициальный царский совет, состоявший из А. Адашева, А. Сильвестра, князей Курбского и Курлятева. Периодически созывались «земские соборы» – всероссийские собрания, состоявшие из Боярской Думы, элиты духовенства, представителей дворянства и посадского населения, принимавших решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики государства.

Бывший посол Англии в России при царе Федоре Иоанновиче Джильс Флетчер в своей книге «О государстве Русском», изданной в 1591 году в Лондоне, писал:

«Что касается до главных пунктов или статей, входящих в состав самодержавного правления (как-то издания и уничтожения законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами, и права казнить и миловать, с правом изменять решения по делам гражданским и уголовным, то все они так безусловно принадлежат царю и состоящей под ним Думе, что его можно назвать как верховным правителем, так и самим исполнителем в отношении ко всем исчисленным предметам... Принадлежащие к собственному и тайному совету Царя (именно те, которые ежедневно находятся при нем для совещания по делам государства) носят прибавочный титул думных и называются думными боярами, а собрание их, или заседание, Боярской Думой.

Во-вторых, что касается до общественных и правительственных должностей в государстве, то здесь нет ни одного наследственного звания, как бы ни было оно высоко или низко, и напротив, определение к той или другой должности зависит непосредственно от самого царя, так что даже дьяки в каждом главном городе большею частью назначаются им самим».

Великий русский историк В.О. Ключевский в своей работе «Сказания иностранцев о Московском государстве» писал:

«Во главе управления стоял государь со своей Думой. Думу составляли думные бояре, отличавшиеся этим от простых бояр, которые хотя также назывались советниками государя, но получали это звание больше, как почетный титул, ибо на общий совет их приглашали редко или совсем не приглашали. Кроме думных бояр в Думе присутствовали думные дьяки или государственные секретари. Как те, так и другие, получали свое звание по воле государя. Дума была высшим законодательным, административным и судебным местом. Отсюда исходил всякий новый закон или государственное постановление. Здесь с утверждения государя определялись известные лица на правительственные должности и решались важнейшие

судебные дела.

Под Думой, как высшим правительственным местом, стояли приказы, ведавшие отдельные отрасли государственного управления.

По известиям XVI века, дела по этому управлению распределялись между 4 главными приказами, или четьми. Эти приказы были: Посольский, Разрядный, Поместный и Казанский... Вообще трудно составить себе не только по иностранным, но и по отечественным известиям ясное понятие об устройстве и ходе управления посредством приказов именно по тому, что ведомства не были точно разграничены и определены по известным началам; чем далее, тем более будут эти приказы размножаться и обособляться вследствие усложнения правительственного дела и вместе с тем вследствие того же более и более будет оказываться несостоятельность служилых людей в деле управления, более и более будет чувствоваться нужда в людях иного рода, которые умели бы владеть не мечом, а пером, и с начала XVI века одновременно с известиями о приказах встречаем известия об усилении значения дьяков. Они имели важное значение в Думе государя, они заправляли ходом дел в приказах, они же отправлялись вместе с наместниками по областям и заведовали там всеми государственными делами, были представителями государственного начала в областях, потому что наместники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны к правительственному делу при его новом значении, при новых чисто государственных потребностях, и этим наместникам предоставили ведать только свои частные интересы кормления.

Для управления областями назначались царем известные лица, по одному или по два в каждую область, которые должны были во всех делах обращаться к управляющему той чети, в которой числилась известная область. Наместник отправлялся в назначенную ему область с одним или двумя дьяками, которые заведовали всеми приказными делами по управлению областью. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и через год обыкновенно сменялись».

Служебные отношения внутри правящей элиты Московского государства регулировал местнический порядок военной и административной службы. Термин «местничество» произошел от древнего обычая «считаться местами» как во время великокняжеских пиров, так и на государевой службе. «Место» при московском правителе, занимаемое князем или боярином, зависело от его происхождения, родословной и должностей его предков и его самого при великокняжеском дворе. Сама Боярская дума состояла из думных бояр и думных окольничих, людей, находящихся около царя, приближенных к царю.

В середине XVI века местнические взаимоотношения воевод начали регулироваться «Приговором царя и Боярской думы» 1550 года, Разрядной книгой и «Государевым родословцем». Московским царством управляли чины думные, чины московские, чины городовые и уездные.

Непосредственно управление страной в XVI веке осуществляли дьяки, особенно усилившие свое влияние во время царствования Ивана Грозного, создавшего кроме дьяческого и широкий слой поместного дворянства, служивших ему противовесом родословному боярству.

В.Н. Татищев писал в примечаниях к найденному им «Судебнику царя Ивана Васильевича», изданному в 1786 году:

«Дьяк, греческое диаконос, служитель церкви, и как сначала кроме церковников мало письма умеющих было, то их для письма в канцеляриях употребили, и были равно как ныне писари. Потом учинили подьячих, а дьяки стали быть яко ныне ассессоры и так сильны при сем государе были, что бояре без согласия их ничего делать не могли. Сей же государь учинил Думных Дьяков, которые в Сенате яко обер-секретари докладывали и все определения подписывали. Сначала их было два, потом до семи умножено, и сидели с бояры в разных

приказах, иногда и самими главными».

В Западной Европе должность клерка была образована также как и должность дьяка, от слова clericus – церковник. Поначалу клерки были секретарями европейских королей, а затем по их имени клерками стали называть всех государственных чиновников.

При Иване Грозном вольные бояре и княжеские слуги с их вотчинами сменились невольными служилыми людьми, владевшими землей в основном на поместном праве. Служилые люди образовались из потомков княжеских слуг времен уделов и из обедневших потомков старинных земских бояр. В Древней Руси существовал обычай делить имение и земли между всеми сыновьями-наследниками, и многие дети бояр не могли достигнуть того общественного положения, которое занимали их родители. Обедневшие дети бояр были известны в качестве сыновей знатных отцов боярских детей. Название детей боярских получали все мужчины обедневших родов, и со времени княжения Василия Темного это наименование получило широкое распространение. В первое время это звание получали, в основном, потомки бояр, а позднее оно распространилось на всех слуг второго разряда – служилых людей. Дети боярские обязаны были постоянно служить и не имели права отъезда, земля принадлежала им на условиях поместного владения.

В состав детей боярских, имевших поместья при Иване III Васильевиче, вошли дворные люди – дворяне, составлявшие двор великого князя и дворы всех удельных князей, чьи земли входили в состав Московского государства.

Войско: организация и состав, приказы. Оружие и снаряжение. Палевые войска, крепости, пограничная служба. Воеводы и управление войсками

Войско: организация и состав, приказы

В XV веке русское войско состояло из иррегулярной дворянской конницы – поместного ополчения дворян и детей боярских, являвшегося главной частью вооруженных сил, отрядов вооруженной челяди служилых князей и бояр, служилых казаков, пищальников, пушкарей – «наряда» и посошной рати – ополчения из крестьян и горожан. Исследователь конца XIX века С.М. Середонин в книге «Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века», изданной в Санкт-Петербурге в 1891 году писал, что «численный состав Московского войска около 75000 конницы дворян, детей боярских и их слуг; затем не больше 10000 татар, 20000 стрельцов и казаков, и наконец 4000 иностранцев, всего около 110000 человек». Общее количество войск могло составлять до 200000 человек.

Поместное ополчение, состоявшее из московских и городских дворян и жильцов, собиралось только в военное время. Войско было устроено по полкам. В «малый разряд» входили большой, передовой и сторожевой полки, «большой разряд» состоял из большого и передового полков, полка правой и левой руки, сторожевого полка. Тогда же в составе войск появился конный ертаульный полк, как правило находившийся впереди передового полка и выполнявший разведывательные и охранные функции. Ертаульный полк впервые упоминается под 1524 годом. В середине XVI века к этим полкам добавился особый «государев полк», состоящий из служилых людей «московского чина» – стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов с их людьми. Государев полк – царская лейб-гвардия – в мирное время охранял великого князя и царя, участвовал во всех придворных церемониях и сопровождал царя во всех походах, принимая участие в боевых действиях только вместе с царем. В 1550 году царь учредил конный отряд – «Избранную тысячу», которая являлись личной охраной царя. Набор «Избранной тысячи» означал появление новой группы дворянства – «выборного».

В середине XVI века в России появился новый род войска – стрельцы – пехотинцы, вооруженные огнестрельным оружием и жившие в особых городских слободах. Впервые стрельцы упоминаются в летописях за 1546 год, в казанском походе. «Выборные» стрелецкие отряды были образованы в 1550 году. В «Русском хронографе за 7058 год от сотворения мира записано: «учинил у себя царь... выборных стрельцов ис пищалей 3000 человек, а велел им жита в Воробьевой слободе». Из московских стрельцов был образован трехтысячный Стремянный полк, также являвшийся лейб-гвардией царя и охранявший «при стремени» жизнь Ивана Грозного вместе с Государевым полком. Для управления стрельцами был образован Стрелецкий приказ, впервые упоминаемый в 1571 году.

Постоянное конное и пешее стрелецкое войско разделялось на московских и городских стрельцов. Численность стрельцов в середине XVI века достигала 12000 воинов, из которых 5000 постоянно находились в Москве, а остальные служили в приграничных городах. Стрельцы служили в полках или приказах, во главе которых стоял голова, назначаемый Стрелецким приказом обязательно из дворян. Стрельцы служили пожизненно, служба передавалась по наследству. Жалованье стрельца составляло 4 рубля в год. Стрельцы получали за службу не земельное, а денежное, иногда натуральное (хлебное) жалованье. Стрельцы жили в особых слободах, в которых каждый стрелец получал участок земли и денежное пособие для

строительства дома. Стрельцы не платили налогов и пользовались льготами и привилегиями при торговле, особенно своим товаром, производимым в слободах.

В середине XVI века русские войска разделялись на нескольких родов. Конница состояла из поместного ополчения детей боярских и дворян, казаков, служилых татар и «царского полка». Артиллерия состояла из полевого «наряда», «крепостного наряда», в который входили «затинщики» и «воротники», обслуживаемые кузнецами и плотниками, и передвижной деревянной крепости – «гуляй-города». Пехота состояла из пеших городских казаков, московских пеших и стремянных стрельцов и конных и пеших «даточных людей».

По данным русского военного историка Е. Разина в середине XVI века русское войско состояло из семидесяти тысяч человек – поместной конницы из 35000 всадников, 12000 стрельцов, 6000 городских казаков, 10000 служилых татар, 4000 наемных иностранцев и наряда из 3000 человек. В военный поход обычно выступала половина этого войска. Войска состояли из большого полка, полков правой и левой руки, передового, сторожевого и «ертаульного» полков, «наряда» и «гуляй-города».

Главным родом войск было дворянская конница, а главным противником в XVI веке были татары, вооруженные в основном холодным оружием.

Русское войско проходило до 30 километров в сутки. В зимнее время войска пользовались в походах лыжами и санями. Войска часто перевозили на стругах, дощаниках, ладьях, каюках, учанах, паузках, ушкуях. Английский путешественник Дженкинсон писал: «Суда, называемые насадами, очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более, как на 4 фута, на них нет никаких железных частей, но все сделано из дерева, при попутном ветре они могут плыть под парусами. В противном случае из многочисленных имеющих на насадах людей, иные тянут их, обвязав вокруг себя длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами. В 1552 году под Казань шло двенадцать воевод «с великою силою двема реками, в лодиях и стругах, Волгою и Камою... с кормлею и со всяким запасом ратным и с большим стенобитным нарядом и огненным». Число судов могло достигать нескольких сотен.

Речные суда сыграли большую роль при присоединении к России Астраханского ханства. В 1556 году отряд воевод Д. Чулкова и И. Мальцева прошел на судах по Дону под Азов и разбил крымско-татарское войско. Успешно воевали на кораблях отряды Дьяка Ржевского и Данилы Адашева.

Русскими войсками с начала XVI века руководили Разрядный и Поместный приказы, Оружейная палата. В середине XVI столетия появились Стрелецкий, Пушкарный, Оружейный, Бронный, Аптекарский приказы, приказ Каменных дел. Ямской приказ.

Разрядный приказ был образован при дьяке с «разрядом» – войсковой росписью ратных людей, в которой указывались занимаемые ими должности. Впервые Разрядный дьяк упоминается в росписи походных воевод московского войска на Новгород 1478 года. В одной из разрядных книг сохранилась запись о том, что «в лето 7039 (1531 года) князь великий положил опалу свою на князя Ивана Воротынского и велел их с Тулы дьяку Афанасию Курицину привести к Москве в Разряд». Разрядный приказ вел книги по учету всех служилых людей российского войска, с указанием их поместного и денежного жалованья, осуществлял его комплектование, учет, следил за денежными и поместными окладами. Разрядный приказ периодически проводил особые смотры детей боярских и дворян для определения их способности к воинской службе. «Новика» – нового служилого человека – на смотре «верстали» на военную службу, указывая размер его земельного и денежного жалованья. При верстании новика определяли в «статью», которых было от 6 до 25. Номер статьи зависел от происхождения, рода и опыта предыдущей службы. Служилый человек, поверстаный по

высшей статье, получал 350 четей земли и 12 рублей жалованья в год, по самой низшей – 100 четей земли и 5 рублей жалованья в год. При «разборе» и «верстании» составлялись списки детей дворянских и дворян, называвшиеся «десятьями» – «быта ему на службе на коне, в пансыре; в шеломе, в зеркалах, в наручах, з батарльки, в саадаке, в сабле, да за ним три человеки на конех, в пансырех, в шапках железных, в саадацех, в саблях, один с конем простым (запасным), два с копыи, да человек на мерине с юком». Разрядный приказ руководил военными походами, ведал содержанием войска, руководил постройкой крепостей и пограничных городов, ведал их населением и землями, организовывал пограничную службу. Дети боярские и дворяне, получившие поместья, обязаны были ходить в походы, на войну и присутствовать на смотрах на своих лошадях, со своим оружием и в зависимости от количества полученной земли выставять вооруженных слуг или холопов. Первое время количество вооруженных слуг не регламентировалось. В 1556 году царем и Боярской Думой было принято «Уложение о службе», регламентирующее военно-поместную систему. Размер службы, определявшийся до этого самими служилыми людьми, теперь становился законом. Служилые людиставляли «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход в дву конь. А служат они с тех своих деревень мою, цареву и великого князя, службу сами своими головами. И хто послужит по земли, и государь их жалуует своим жалованием, кормлением, и на уложенные люди дает денежное жалованье». Одна четь или четверть земли в XVI веке считалась равной половине десятины («в длину 80 сажен, а поперек 30 сажен»). В 1556 году была введена официальная разрядная книга с 1475 года, регулировавшая службу и местнические отношения. В соответствии с заслугами или промахами Разрядный приказ повышал или понижал в чине служилых людей, увеличивал или уменьшал их жалованье. За неявку в поход или на смотр – «нетство» – Разрядный приказ мог отобрать данные «в оклад» земли. Разрядный приказ назначал наместников, волостелей, воевод, послов, судей приказов, проводил суд над нерадивыми чиновниками, не оправдавшими доверия, разбирал местнические дела. В середине XVI века Разрядный приказ стал важнейшим органом управления государства. К концу столетия ему подчинялись все областные разряды, включая Новгородский, Смоленский и Рязанский.

Поместный приказ в исторических документах впервые упоминается в 1577 году. В ведение этого приказа находились государственные земли, раздаваемые в качестве земельного жалованья – поместья служилым людям. При поступлении на государственную военную службу служилый воин подавал в Разрядный приказ челобитную, в которой просил выделить ему земельное поместье. Разрядный приказ наводил о новом служащем справки и затем отправлял в Поместный приказ отписку или указ об отмежевании ему определенного количества земли. Землю – пожалованье – официально давали от имени царя и Боярской Думы. Резолюция царя, записанная думным дьяком, или списки на верстание были основанием для выдачи жалованной грамоты служилому человеку и наделения его землей – «поместьем» – «по месту службы». Служилый человек владел поместьем до тех пор, пока нес службу. Поместный приказ выдавал акты на право владения землей, жалованные вводные, отказные грамоты, решал земельные споры, вел «даточные книги» с указанием размеров всех поместий. Поместная усадьба имела специальную сторожевую оборонительную башню – повалушу. Башня была срубной, имела от двух до четырех этажей. Нижние этажи использовались как жилые и хозяйственные помещения, верхние этажи, соединявшиеся с нижними через люки-западни, были приспособлены для обороны. Верхний этаж имел несколько бойниц и был немного больше, чем нижний, он делался с выступами и нависал над нижними, что способствовало обороне. Кроме повалуши усадьба имела сени больших размеров, в них принимали гостей и устраивали пиры. Жилое помещение называлась горницей, стоявшей на подклете. Дворня жила в избах, в усадьбе были мыльни, погреба и ледники. Дома в основном строились из сосны, реже использовались дуб, береза и

осина.

Основной пищей в XVI веке был ржаной и пшеничный хлеб. Из муки делали лапшу, оладьи и блины, провиантом для войска были сухари. Из сдобного теста делали пироги с маком, медом, кашей, репой, капустой, грибами и мясом. Ели овсяную, гречневую, ячменную и пшеничную кашу, пили гороховый и овсяный кисель, квас и пиво. На огородах сажали капусту, огурцы, лук, чеснок, свеклу, морковь, репу, редьку, хрен, мак, горох, дыни. В садах росли яблони, вишни, сливы, груши, собирали чернику, малину, смородину, землянику, клюкву, бруснику, вместо сахара использовали мед.

Оружейная палата – арсенал Русского государства – была создана в конце XV века. Палата ведала изготовлением и хранением оружия. Чин или должность оружничего, возглавлявшего Оружейную палату, известен с 1511 года. Для заведования палатой был образован Оружейный приказ.

В 1573 году был создан Бронный приказ, руководивший изготовлением ручного холодного, огнестрельного оружия и защитного вооружения. В России было широко развито изготовление пищалей, мушкетов, саблей, копий, шлемов, броней и панцирей. Появились профессии сабельников, бронников, кольчужников, зелейников, пушечные и самопальные мастера.

Известно о существовании с 1577 года Пушкарского приказа, ведавшего также, кроме огнестрельного наряда – артиллерии, строительством пограничных городов и укреплений. Впоследствии строительством занимался Приказ каменных дел, организованный в 1583 году. Главным арсеналом русского войска была Москва. Пушки лили и во Владимире, Устюжне, Великом Новгороде и Пскове. Общее число пушек в Московском царстве в конце XVI века, по свидетельствам иностранцев, превышало 2000 штук.

Ямской приказ обеспечивал военные сообщения, содержал на дорогах «ямы» с большим штатом «ямских охотников» или просто «ямщиков». В больших городах были организованы «ямские слободы» с казенными лошадьми, санями и телегами. В середине XVI века было более трехсот «ямов».

По указу 1550 года был образован новый разряд отборных служилых людей – подмосковных помещиков. Эта тысяча была набрана из служилых людей 47 городов Московского государства – Боровска, Бежецкого Верха, Белой, Белоозера, Владимира, Волока, Воротынска, Вязьмы, Галича, Дмитрова, Дорогобужа, Зубцова, Калуги, Кашина, Каширы, Клина, Козельска, Коломны, Костромы, Великих Лук, Медыни, Мещевска, Можайска, Мосальска, Мурома, Новгорода, Оболенска, Переяславля, Пскова, Ржева, Ростова, Рузы, Рязани, Серпухова, Старицы, Стародуба, Суздаля, Тарусы, Твери, Торжка, Торопца, Тулы, Углича, Ярославца, Ярославля, Юрьева. Тогда же был составлен поименный список этой тысячи, получивший наименование «Тысячной книги». В этот список вошли, в частности, Андрей Курбский, и из князей Ярославских – Иван Михайлович Хворостинин.

Октябрьский указ 1550 года:

«Лета 7059 октября в 3 день Цари и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил с бояры учинить в Московском уезде да в половине Дмитрова да в Рузе да в Звенигороде да в Числяках и в Ординцах да в Бортниках и в перевесных деревнях и в тетеревничих и в оброчных деревнях, от Москвы верст за шестьдесят и за семьдесят, помещиков детей боярских лутших слуг 1000 человек, а которым бояром и окольниковым быть готовым в посылки, а поместий и вотчин в Московском уезде у них не будет, и бояром и окольниковым дать поместья в Московском уезде по 200 четей, а детям боярским в первой статье дать поместья по 200 ж четей, а другой статье детем боярским дать поместья по 150 четей, а третьей статье дать поместья детем боярским по 100 четей, а сена им давать по столку копен, на сколько кому дано четвертные пашни, оприч крестьянского сена, а крестьянам дать на выть по 30 копен. А который по грехом

из тое тысячи вымрет, а сын его не пригодится к той службе и в то место прибрати иного. А за которым бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ином городе близ Москвы верст за пятьдесят или за шестьдесят и тем поместья не дать».

В мирное время этих тысячников рассылали в качестве городских воевод или осадных голов по пограничным городам Московского государства, где требовалось постоянное присутствие военной силы для наблюдения за неприятелем и для отражения внезапных нападений, а также командирами полков, расположенных в пограничных городах и в наиболее удобных для наступления неприятеля местностях.

В 1564 году Иван Грозный начал создавать особые войска – опричников, нужных ему для борьбы с боярами. Первый опричный отряд насчитывал 1000 дворян и детей боярских, немного позднее он был увеличен до 6000 человек. Опричниками управлял особый опричный Разрядный приказ, позже переименованный в Дворовый Разряд. Основной обязанностью опричников являлась защита царской власти. Опричное войско было увеличено до нескольких больших полков и просуществовало до 1572 года.

Войско: оружие и снаряжение

Успехи русских войск в войнах второй половины XVI века зависели, в большой степени, от боевых действий «огненных стрельцов» и «наряда».

Пушечно-литейное производство в Московском государстве возникло при Иване III. Под 1475 годом в Москве впервые упоминается «пушечная губа», в 1547 году переименованная в пушечный литейный двор. В 1494 году в Москве был построен Пороховой двор, в котором работало более 200 человек. Порох называли зельем и кроме Москвы изготавливали в Новгороде, Воронеже, Казани, Острове, Коломне, Серпухове, Муроме, Боровске, Туле. В летописях зафиксировано сообщение, датированное 1531 годом: «загорися внезапно зелье пушечное на Москве... на Алевизовском дворе; делаше бо его на том дворе градские люди, и сгореша делателей тех от зелья того в один час более двухсот человек». Порох широко применялся при подкопах, использовался в качестве ручных гранат – защитники Пскова кидали во врага «кувшины с зельем».

Наличие в русском войске огнестрельного «наряда» – пушек, тюфяков и пицалей – было зафиксировано русскими летописями в 1485 году, во время тверского похода. Пушками называли крупнокалиберные орудия, входившие в состав стенобитного наряда, стрелявшие навесным огнем каменными ядрами. Пицали делились на ручное оружие, стрелявшее пулями и «затинные пицали», использовавшиеся в крепостях. Затинные пицали изготавливали на вертлюгах, обеспечивавших вертикальный и горизонтальный поворот орудия во время стрельбы. Тюфяки стреляли картечью – «дробом». Пицальники и пушкарки впервые упоминаются в 1510 году – в летописях записано, что великий князь Василий III прислал из Москвы под Псков 1000 пицальников.

«Наряд» большого войска состоял из 50-150 орудий, обоза с ядрами, порохом и различных артиллерийских приспособлений. «Наряд» обслуживала «посоха» – крестьяне и горожане, устанавливавшие орудия и выполнявшие необходимые дорожные и мостовые работы. С начала XVI века «наряд» принимал участие во всех походах и военных действиях русских войск. Почти тогда же появилась полевая артиллерия на конной тяге. «Наряд» разделялся на большой и легкоорудийный.

В конце XVI века пушки уже отливали без швов, в цельной форме. У крупных пушек отливали цапфы для закрепления их в станинах. Тогда же появились двухколесные лафеты, а

вместо каменных – свинцовые и железные ядра. В штате Пушечного приказа этого периода находились 37 мастеров с учениками и подмастерьями. Известны пушки Кузьмы Первыша, Семена Медведева, Андрея Чехова. Изготавливали и тяжелые орудия весом в несколько тонн. В 1552 году Казань обстреливали ядрами диаметром «в колено человеку и в пояс». Это были стенобитные орудия, как правило, имевшие названия – Онагр, Медведь, Лев, Троил, Аспид, Скоропея. Одну такую пушку тащило около тысячи человек.

Ручное огнестрельное оружие появилось в России во второй половине XVI века. В русских летописях есть запись за 1480 год о том, что в бою с татарами «наши стрелами и пищальми многих побивша». Ручной пищалью – «рушницей» – русское войско было вооружено до конца XVII века. В отличие от затинной пищали – орудия, она называлась «завесной» – для ношения за спиной. Стволы первых рушниц или самопалов были кованые, а значит их могли делать в любой кузнице. Ручные пищали состояли из железного ствола с деревянным ложем и широким прикладом. Отверстие для воспламенения пороха было сделано на боковой стороне ствола, под ним приваривалась полка для затравочного пороха. До XVI века на вооружении были фитильные пищали – курок с зажатым в нем тлеющим фитилем, пропитанным селитрой, от нажима на спуск падал на полку и зажигал там порох, потом возвращался назад. Фитиль медленно тлел и хранился в специальных «фитильных трубках», изготавливаемых из жести или железа. Порох держали в костяных или деревянных «порошницах». В XVI веке пищали стали кремниевыми – порох воспламенялся искрой, высекаемой от кремня, вставленного в курок. Ручными пищальми были вооружены все стрельцы, большая часть городских казаков и часть конницы. Ивана Грозного и Бориса Годунова в походах сопровождали отряды дворян из нескольких сотен человек «с самопалы», которые возглавляли особые головы.

Русское войско также использовало и холодное оружие – мечи, сабли, тесаки, ножи, кинжалы, копья, сулицы, рогатины, кистени, топоры, чеканы, делавшиеся в виде железного молота с рукоятью до 60 сантиметров, шестоперы, булавы, лук со стрелами, бердыши – топоры с лезвием-полумесяцем, которые посредством обуха прикреплялись к длинному, в рост человека древку и являлись колющим и рубящим оружием. На нижний конец древка насаживалось железное копьцо для втыкания бердыша в землю при стрельбе из ружья, для которого он служил подсошком. Бердыши изготавливались только в России.

В это время уже не использовались щиты, распространились булатные доспехи, шеломы, железные шапки с «наушами и бармицами» – кольчужными сетками, закрывавшими лоб, щеки и затылок воина, железные кольчуги, весом до двенадцати килограмм. Панцири были в два раза тяжелее кольчуги, использовались зеркала, железные наколенники и наручи. Основная масса дворянской конницы была одета в тягилiai – стеганные кафтаны с высоким воротником и рукавами по локоть, с металлическими прокладками.

Войско: полевые войска, крепости, пограничная служба

«Городом» в XVI веке в отличие от посада называли крепости, которых было около 200. Подступы к столице также охраняли 7 дальних и 14 подмосковных монастырей. В XVI веке вокруг Кремля был выкопан и обложен камнем глубокий ров. В 1535–1538 годах на месте деревянного Китай-города была возведена кирпичная стена высотой в 3 сажени с четырьмя воротами – вторая каменная крепость Москвы, приспособленная «для огневого боя».

Место под строительство города выбиралось Разрядным приказом, опрашивавшим местных жителей, знающих территорию. После этого составлялся чертеж и роспись будущего города, делалась смета строительства. Города-крепости строились в основном из дерева и довольно

быстро, были достаточно дешевы и легко ремонтировались. Строительным материалом были дубовые и сосновые бревна, песок, галька, глина. Обычно город располагался на месте впадения одной реки в другую, на берегах обеих рек. На мысу строилась крепость – центр города, обязательно имеющая тайные выходы к воде, около нее образовывался посад и слободы. На берегах строились и храмы.

В полевых сражениях и при осаде крепостей русские войска часто использовали подвижную деревянную крепость – «гуляй-город», который перевозили за войском во время походов. Гуляй-город состоял из двух деревянных стен, защищавших воинов спереди и сзади. В стенах были сделаны бойницы, в которые выставляли стволы пищалей и орудий. При передвижении войск эти деревянные стены разбирали на составные части и перевозили на подводах. Впервые гуляй-город упоминается в летописи за 1522 год, сообщавшей о сшибке русского войска с татарами у Оки. В исторических источниках говорится и о том, что гуляй-город мог состоять и из нескольких отдельных передвижных крепостей, взаимодействующих между собой. Гуляй-город мог и наступать. Подробное описание гуляй-города оставлено английским посланником при дворе царя Федора Иоанновича Джильсом Флетчером, издавшим в 1591 году в Лондоне книгу «О государстве Русском»:

«В войне оборонительной, или в случае сильного нападения татар на русскую границу, войско сажают в походную или подвижную крепость (называемую Вежа или Гуляй-город), которая возится при нем под начальством воеводы гулевого. Эта походная или подвижная крепость так устроена, что (смотря по надобности) может быть растянута в длину на одну, две, три, четыре, пять, шесть или семь миль, именно на сколько ее станет. Она заключается в двойной деревянной стене, защищающей солдат с обеих сторон, как с тылу, так и спереди, с пространством около трех ярдов между той и другой стеной, где они могут не только помещаться, но также имеют довольно места, чтоб заряжать свои огнестрельные орудия и производить из них пальбу, равно как и действовать всяким другим оружием. Стены крепости смыкаются на обоих концах и снабжены с каждой стороны отверстиями, в которые выставляется дуло ружья, или какое-либо другое оружие. Ее возят вслед за войском, куда бы оно не отправлялось, разобрав на составные части и разложив их на телеги, привязанные одна к другой и запряженные лошадьми, коих, однако, не видно, потому что они закрыты поклажей, как бы навесом. Когда привезут ее на место, где она должна быть поставлена (которое заранее избирает и назначает гулевой воевода), то раскидывают, по мере надобности, иногда на одну, иногда на две, а иногда и на три мили и более. Ставят ее очень скоро, не нуждаясь притом ни в плотнике, ни в каком-либо инструменте, ибо отдельные доски так сделаны, чтобы прилаживать их одну к другой.

Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел. Внутри крепости ставят даже несколько полевых пушек, из коих стреляют, смотря по надобности. Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как Русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые».

Описание Гуляй-города в первой половине XVII века оставил и дьяк Иван Тимофеев:

«В простой речи глаголемый обоз, древним же званием – гуляй. Его же существо зримо, яко град, бяше, подобаю, древоестествен, тончайшими дцками соделан, щитоподобно им сограждение градозабралним устроением в защищение верным. Меру же долготы каяждо часть забрал тех имяху трилакотну, ли вяшше что мало, широты же на высоту сажень едина; друга друзей соткмени составы тех, яко члены некий животных плотяными жилами, между себе

связаема бываху железных вериг укреплениями. От места же на место переход по движением пошественным состроен: егда ему постулата, идет, и егда стояти, стоит. Колеснично же его прохождение бысть: внутрь всеа круглости его в колесница многи впряжение мсков, поступающих тех силою движения на иже место архина начальника воем и строитися ратем повелить двинута или стати слово; животные в нем вся отнюдь незримы внешних очесы. Обоимательство же таково того величество о себе имать, яко и велию рать всю с потребами всеми, вмещая в себе, ему затворяти, и оружестве наших полководвижнех сил свободно бе в коеяждо страны ему, противу бо потребе своя отверзая забрало, егда в меру сопротивных навет будет. Твердость же телесного того основания толика: токмо лукопущенех стрел устремление в себе удержати весть, возбраняет суровство тех единех в себе и притупевает удобь, разве прочих и мельчайших огнепальных стремлений громopodobне рыкание произносных страшне гласов. Сих к себе яростнаго приближение летящих невидимо воздухом стенобитвенных железокалемосердец того тончайшая телеса не стерпевают о всем, и множае величайших, оного состроение тонкости удобне, яко же стекленичное естество, расступуют, ли паче реши, песочное».

В мирное время конструкции «гуляй-города» бережно сохраняли. Так, в 1577 году «дворы сторожевого города-гуляя» находились в Коломне.

За вторую половину XVI века на Московское государство было совершено сорок восемь набегов крымских татар. Набеги совершались не только ханом, но и крымскими беками и мурзами по собственной инициативе. Древнейшим путем из Крыма вглубь русских земель являлся Муравский шлях, тянувшийся от Перекопа по гребню водораздела Днепра и Дона, через Ворсклу, Северный Донец, Быструю Сосну, Упу и заканчивавшийся у Тулы.

После того, как набеги по этой дороге были закрыты русскими заставами, татарские набеги на Москву проходили по боковым веткам Муравского шляха – по Калмиускому шляху через Воронеж, по Изюмскому шляху, отходившему от Муравского у истоков реки Орели и по Крымскому или Чумацкому шляху, проходившему от Перекопа по запорожским степям вдоль левого берега Днепра и у реки Волчьи Воды соединявшемся с Муравским шляхом. Существовала еще одна дорога, по которой совершали набеги ногайские татары – на Рязань, через притоки реки Воронежа, Козлов, Ряжск и Шацк. Грабить польские земли татары ходили по Черному шляху, проходившему по рекам Бугу, Ташлыку, Выси, Ольшанки, Синюхи, через Умань, Львов и Люблин до Варшавы. Существовали также Крюковский, Переволочанский, Микитинский, Кизикерменский, Коржев, Саксаганский, Гардовый и Сичовый шляхи. Нападения происходили обычно дважды в год – в начале лета и поздней осенью (по замерзавшим рекам). Основными направлениями движения орд Крымского ханства на Москву в XVI веке были рязанские земли, Тула, Заокско-Брянский край и Северская земля.

Московское государство защищалось от крымско-татарских и ногайских набегов укрепленными линиями, образованными цепочками больших и малых городов-крепостей – «засечными чертами». Обычно это были стометровые полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленных валами. По всей черте находились дозорные вышки и укрепленные пункты-остроги. В начале XVI века после присоединения к Московскому царству Северской земли пограничными городами стали Чернигов, Путивль, Рыльск, Новосиль, Мценск, Одоев и Новгород-Северский. Граница Московского княжества в первой трети XVI века проходила по рекам Десне, Сейму, Оке, Зуши, Сосны, Верхнего Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры. Были построены пограничные крепости Мокшанск, Алатырь, Шацк, Орел, Чернь, Крапивна. Самой ранней была пятисоткилометровая «Большая засечная черта», созданная в середине XVI века от Рязани до Тулы – по реке Оке, от Белева и Перемышля через Одоев,

Крапивну, Тулу и Венев до Переяславля-Рязанского и от Скопина через Рязск и Сапожок до Шацка. В опасных местах укрепленные крепости были построены в несколько линий – между Тулой и Веневом, между Белевом и Лихвином, между Белевом и Перемышлем. Укрепления были обращены на восток, юг и запад.

Эти пограничные крепости с военными поселениями детей боярских, переведенных туда из центральных областей страны, стали опорными пунктами при борьбе с татарскими набегами. Постепенно города-крепости становились промышленными и сельскохозяйственными центрами, вокруг которых расселялось русское население, приходящее из центральных областей России. Не имея возможности уничтожить Крымское ханство, московское правительство, организуя все новые и новые пограничные линии, значительно сокращало районы татарских набегов и, занимая южные степи, подготавливало окончательное покорение Крыма. В 60-х годах XVI века создававшаяся десятилетиями «засечная черта» сомкнулась, образовав связную и сплошную пограничную охранную линию, содержащуюся практически всем населением Московского государства, с которого стали брать особые засечные деньги, собиравшиеся на расходы по поддержанию и укреплению черты. В «украинных» городах появились особые служилые воинские люди – городовые казаки, следившие в сторожах за передвижениями татар в «Диком поле», постоянно осматривавшие основные степные дороги-шляхи и появившиеся сакмы, захватывавшие «языков» и доставлявшие полученные сведения воеводам и в Москву. Первый раз городовые казаки упоминаются в русских летописях в 1444 году. Городовые казаки были учреждены московском правительством и полностью зависели от него. При набегах татар они защищали пограничные города-крепости до прихода русского полевого войска. Городовыми казаками становились вольные люди из всех сословий. За свою службу городовые казаки получали поместья – земли, в соответствии со статьей, по которой были поверстаны в государеву службу, вместе со своими семьями освобождались от всех налогов и податей, иногда получали денежное жалованье. Оружием и лошадьми городовые казаки обзаводились сами, за свой счет. Русские пограничные полки стояли в Калуге, Серпухове, Тарусе, Коломне, Кашире. При необходимости они выдвигались к Дону и Днепру до рек Быстрая и Тихая Сосны. В середине XVI века городовые казаки находились в подчинении Стрелецкого приказа и вместе со стрельцами являлись особым разрядом русского войска. Ратные служилые люди в городах не платили оброка и не несли тягло, по своему составу были близки к «черным людям» и в большинстве своем набирались, как это видно по их фамилиям, из пришлых или из местного черного населения. В большинстве городов первое место по численности занимали стрельцы, потом шли казаки, затинчики, пушкари, воротники. Пограничную службу на черте возглавляли засечные приказчики, головы и сторожа. В больших городах ратные люди разделялись на приказы, или на приборы. Приборы подчинялись головам, командование осуществляли сотники, пятидесятники и сотники. Людей в приборы набирали головы и сотники. Ратные люди получали за службу земельные участки, денежное и хлебное жалованье давалось лишь на первое время, пока не была распахана земля.

Интересно «Рассуждение о делах Московии» 1560 годов венецианского посла Франческо Тьеполо:

«В мирное время он (Иван Грозный. – *Авт.*) держит конницу в Астрахани, Казани и Вятке для защиты границ от татар, ногаев и других соседей его государства с этой стороны, а равным образом в Колуге, для предотвращения набегов крымских татар. Конницы этой бывает то больше, то меньше, в зависимости от необходимости, но в общем число ее не превышает 15 или самое большее 20 тысяч.

На охрану крепостей этот государь тратит очень мало, потому что некоторые из них

охраняются колонистами, другие своими жителями и лишь немногие, за исключением военного времени, его солдатами; нет надобности в большой охране и на границах татар, потому что этот народ не имеет пехоты, ни артиллерии, а только легковооруженную конницу. Отсюда и происходит то, что татары негодны к взятию крепостей приступом и, даже если бы пришлось охранять их все на свой счет, то это было бы нетрудно, поскольку крепостей немного».

В январе 1571 года Иван Грозный назначил начальником сторожевой и станичной службы князя Михаила Ивановича Воротынского. Помощниками Воротынского стали князь Михаил Тюфякин, Дьяк Ржевский и Юрий Булгаков. В этом же году в Москве на совете собравшихся с южных российских рубежей «детей боярских» во главе с князем М.И. Воротынским был создан первый известный в России военный устав, определявший структуру и функции пограничной службы «Общее уложение сторожевой и станичной службы». Первый главный начальник сторожевой и пограничной службы Михаил Иванович Воротынский 30 лет прослужил на южной границе Московского царства, был наместником и воеводой в Беляеве, Калуге, Коломне, Одоеве, Рязани, Туле, Деделове и Серпухове. В царском архиве сохранился «Царский приказ о назначении князя Михаила Ивановича Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса.

Лета 7079 генваря в 1 день приказал государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси боярину своему князю Михаилу Ивановичу Воротынскому ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полские службы. И по государевым, царевым и великого князя грамотам из всех украинских городов дети боярские, станичники и сторожи и вожи в генваре, а иные в феврале к Москве все съехались. И по государеву приказу боярин князь Михаил Иванович Воротынский с товарищи о станицах и о сторожах и о всех польских службах сидел и спрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльней, а распрося их, приговор велел написать.

Боярский приговор о станичной и сторожевой службе.

Лета 7079 февраля в 16 день по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси приказу, боярин и князь Михаил Иванович Воротынский приговорил с детми боярскими, с станичными головами и с станичниками о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах и о всех украинских о дальних и о ближних и о месячных сторожах и о сторожах из которого города к которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити, и на которых сторожах и из которых городов и по колеку человек сторожей на которой стороже ставити, которые б сторожи были усторожливы от крымские и от ногайские стороны, где б было государеву делу прибыльнее и государевым украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили, а станичником бы к своим урочищам ездити и сторожам на сторожах стояти в тех местах, которые б места были усторожливы, где б им воинских людей можно устеречь».

Главный начальник сторожевой и станичной службы, подчинявшийся Разрядному приказу, командовал воеводами и наместниками. Воеводам подчинялись станичные головы, станичные отряды, станицы и сторожа. Наместники командовали стоялыми головами, станичными и дозорными отрядами.

В Диком поле была создана постоянная сторожевая служба с центрами в Путивле и Рыльске, действовавшая с весны до зимы. Русские полевые разъезды по разработанным воеводами маршрутам одновременно находились вдоль всей южной границы России. Отдельные сторожи уходили для разведки далеко в степь. Пограничная реорганизация была в самом разгаре, и в 1571 году Девлет Гирей с войсками сумел прорваться к Москве и сжечь столицу царства. Однако следующий поход 1572 года для «крымских людей» кончился плачевно. Русские войска встретили и достойно проводили разгромленные войска крымского хана до

самого «дикого поля». После этого Иван Грозный и Боярская дума в октябре 1572 года приказали Воротынскому послать людей из Мещеры, Донкова, Дедилова, Крапивны, Новосия, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля выжечь пограничные степи для предупреждения будущих татарских набегов. До нашего времени сохранился «Боярский приговор о пожже полей, с расписанием: из каких городов станицам какие поля жечь: Лета 7080 октября по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси указу боярин князь Михаил Иванович Воротынский с товарищи приговорили из которых украинских городов и о кое поры и по которым местом и к которым урочищам и до коих мест и скольким из которого города станицам и по скольку человек в станице на поле ездити и поле жечи и росписали украинные города и из тех городов станицы польские урочища подлинно порознь, а жечи поле в осенинах в октябре или ноябре по заморозом как гораздо на поле трава посохнет, а снегов не дожидаясь, а дождавсь ведренные и сухие поры чтоб ветер был от государевых украинских городов на польскую сторону или как будет пригожь, а блиско государевых украинских городов, лесов и лесных засек и всяких крепостей, которые в которых местех крепости учинено от приходу воинских людей однолично беречи их от огня накрепко и блиско их огня не припускати и не обжигати. Из Мещеры поле жечи, из Донкова, из Новосили, из Мценска, из Орла, из Рыльска, из Путивля». Уже в 1572 году границу Московского государства охраняли 73 сторожи: 7 донецких, 7 путивльских, 2 рыльские, 14 сторож по рекам Сосне, Мечи и Дону, епифанская сторожа по Непрядве, 5 дедиловских, 11 новосильских, 4 мценских, 13 орловских и карачевских сторож, 4 мещерские, 2 шацкие и 3 ряжские сторожи. Передовую линию крепостей составляли Алатырь, Темников, Кадома, Шацк, Ряжск, Донков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск, Орел, Новгород-Северский, Рыльск и Путивль. Перед пограничными городами-крепостями были сделаны засеки, рвы, забои на реках. Внутреннюю линию составляли Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов и Звенигород. С 1580 по 1590 год были построены города Воронеж, Елец, Ливны, Оскол, Лебедянь, Курск, Белгород, Валуйки, Кромы, Царев-Борисов. В этих городах постоянно находились свои воеводы и осадные головы с отрядами служилы людей – боярских детей, казаков и стрельцов. Пограничные полки стали базироваться у Мценска, Орла и Новосия. Ока стала глубоким тылом.

В «Описании царского архива 1575 года» сказано, что в архиве был ящик 144, в котором хранились списки и чертежи пограничных городов Московского государства. В списках перечислялись все городские укрепления и количество войск. Все донесения пограничников о движении крымских татар сверялись со списками и картами. После этого принималось решение о войсковом подкреплении наиболее опасных для татарского прорыва пограничных городов.

Москва внимательно следила за своими границами. Сохранился документ 1622 года, в котором Разрядный приказ выговаривал своим пограничным воеводам, при татарском набеге уклонившимся от сшибки и затворившихся в крепости, оставив на разграбление и произвол приграничное население:

«А вы своею дуростью и нерадением над такими над малыми людьми и в таких ближних местех поиску никакого учинити не умели и православных крестьян в полон выдали поганцом. А вам было и без вестей пригоже быта со всеми людми наготове, потому что вы воеводы походные, и кой час про Татар весть учинитца, и вам было того же часу на Татар наспех идти и воевать им не дать. Да и то вы сделали простотою и глупостью: пришед к Татарским станом блиско, потому и ничего не сделали: на станах их и в суволоках не «застали, и от станом за Татары подъездов и голов с людьми не послали, а сами по сакме не пошли, и отворотных воинских людей нисколько не ожидали и устеречь их не умели».

Все русские войска назывались ратями, действовавшими каждая на своем направлении. Рать составляли от трех до семи полков разной численности. Полки делились на сотни, пятидесятки и десятки. Во главе рати стоял «большой воевода», имевший несколько заместителей-«товарищей». Ему подчинялись полковые воеводы, воеводы у «наряда», гулевой и ертаульный воевода, головы, сотники, пятидесятники и десятники. Для управления войсками воеводы имели при себе небольшие медные барабаны, привязанные к седлам. «Большой воевода» имел большой барабан – «набат», в который били сразу восемь человек. При воеводах находились дьяки и подьячие, писавшие приказы, «ведавшие государеву казну» и ведшие журналы боевых действий. Для «срочных посылок» использовались специальные отряды. В царском полку было 10 «дворовых воевод для посылок», а воеводам на рассылку было назначено 60 человек выборных и городских дворян. Воеводы все свои действия должны были согласовывать с инструкциями Разрядного приказа, а потом писать туда подробные отчеты о состоянии войск и укреплений, количестве военных запасов и продовольствия.

Традиционный боевой порядок русских войск в полевом сражении выглядел следующим образом: в центре на удобной позиции выстраивалась пехота, прикрытая «гуляй-городом», на флангах и впереди пехоты находилась конница, первой вступающая в бой, артиллерия – «наряд» – находился или в «гуляй-городе», или в боевых порядках пехоты. Большой отряд всегда находился или в засаде или в резерве. От монголо-татар русские переняли и активно использовали прием заманивая противника ложным отступлением в бою в засаду.

В XVI веке не существовало отдельной военной и гражданской службы, воеводой мог стать приказный дьяк – служащий. Руководителем Разрядного приказа всегда был думный дьяк, являвшийся, по сути, организатором всего русского войска и, как правило, имевший мало военной практики. Перед военным походом воеводы получали подробные приказы и инструкции о порядке движения и ведении боевых действий из Разрядного приказа – гражданского органа.

Полки вместе сбора ратных людей формировались по росписям или «разрядам», от слова «разряжать», распределять, расписывать. Разряды всегда составлялись заранее и в письменной форме. В них указывалось, из скольких и каких именно полков должно было быть сформировано войско, определялись города и служилые люди, входившие в какой-то полк, назначались поименно полковые воеводы и их товарищи – заместители, указывался маршрут движения войска. С помощью разрядов обеспечивалось единое командование и управление войск.

Все полки русского войска имели знамена с изображением Спаса или Святого Георгия. Знамя и знаменосцев охраняли особые воеводы и головы, входившие в состав свиты царя и больших воевод в походах. Развертывание боевых знамен служило сигналом для начала полевого сражения или осады вражеской крепости. Для подачи команд и сигналов, а также для воодушевления войск использовались трубы, сурны, гобои, барабаны, бубны и набаты.

Отличившихся за боевые заслуги награждал царь особыми личными знаками отличия – «золотыми». Джильс Флетчер писал: «Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой, с изображением святого Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу».

Рюриковичи князя Воротынского происходили от великого князя киевского и черниговского святого Михаила Всеволодовича, замученного в Золотой Орде в 1246 году. Его

третий сын Семен образовал самостоятельный удел из городов Новосиль и Глухова с прилегающими к ним землями. Во второй половине XIV века Новосиль был разрушен татарами и удельное княжество прекратило самостоятельное существование. Удельный князь Роман Семенович переехал в Одоев и образовал там новый удел. В 1407 году Одоевское удельное княжество было захвачено Литвой, но князь остался прежний – Юрий Романович. В середине XV века его второй сын Федор, женатый на дочери Корибута Ольгердовича Марии, получил в удел город Воротыньск с землями, известный с 1155 года, а с середины XIII века ставший наследственным владением черниговского князя Святослава Ольговича, и стал первым князем Воротыньским – родоначальником династии. В 1484 году его сын Михаил Федорович приехал служить в Московское княжество, где получил высокое звание не просто боярина а «государева слуги». В 1489 году к нему присоединился его брат Дмитрий, а в 1492 году – брат Семен. Все трое стали боярами великого московского князя Ивана III Васильевича.

После ряда войн по договору 1508 года великого князя Василия III с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом I Воротыньск вошел в состав земель Московского государства.

Сын Михаила Федоровича – Иван Михайлович Воротыньский при дворе Василия III занимал высокое положение «слуги» и активно участвовал в русско-литовских войнах первой трети XVI века. Летом 1507 года он отражал набег татар под Одоевом. В сентябре 1507 года был вторым воеводой передового полка, в 1510–1511 года возглавлял на Туле Большой полк. В летнем походе на Угру 1512 года Иван Воротыньский – воевода передового полка. В конце года при походе на Смоленск Иван Воротыньский – третий в русской армии в передовом полку, после князей В.С. Можайского и В.В. Шуйского. С.М. Соловьев писал: «Летом 1517 года 20000 татар явилось в тульских окрестностях. Князя Одоевский и Воротыньский распорядились очень удачно: пешие ратники обошли татар и засекли им дороги в лесах, где много их побили, а конные стали преследовать разбойников по дорогам, по бродам, потопили много их в реках, много взяли в плен, так что из 20000 очень мало их возвратилось в Крым, и те пришли пеши, босы и наги».

17 января 1522 года Иван Воротыньский попал в первую опалу. В 1525 году он был прощен Василием III и дал запись в верности. В 1534 году Иван Воротыньский – четвертый воевода Большого полка во время похода Елены Глинской в Коломну. Был женат на Анастасии Ивановне Захарьиной, умершей в 1522 году, затем на Анне Васильевне Велико-Гагиной, дочери В.В. Шестунова.

В связи с бегством в 1534 году С.Ф. Бельского в Литву был арестован правительством Елены Глинской и сослан на Белоозеро, где и умер 21 июля 1534 года. Его удел перешел к трем сыновьям – Владимиру, Александру и Михаилу. Владимир ставший боярином в 1550 году, был членом Избранной Рады, участвовал в казанских походах 1545–1552 годов и умер бездетным в 1553 году. Второй сын Александр в 1558 году был первым воеводой в Казани, боярином с 1560 года. Третий сын, родившийся в 1510 году, Михаил, стал полководцем. Он был женат на княжне Стефаниде Ивановне, имел сына и дочь. В 1551 году Михаил Иванович Воротыньский получил почетный титул «царского слуги», при взятии Казани руководил Большим полком, за Казанский поход стал боярином, в течение многих лет командовал русскими войсками на южной границе. В ноябре 1562 года братья Александр и Михаил попали в опалу с конфискацией удела и вместе с женами и детьми были сосланы. Воротыньск перешел к Ивану Грозному. В 1564 году Александр был прощен, но вскоре умер. В 1566 году был прощен и Михаил, находившийся в Белоозере, ему был возвращен удел и чин боярина. В конце 1560-х годов вместо Воротыньска он получил земли в Стародубе-Ряполовском. Нижнем Новгороде и Муроме. Михаил Воротыньский руководил сторожевой службой и «засечными чертами».

В 1573 году по ложному доносу в посягательстве на жизнь царя он был обвинен в «крамоле» и замучен лично Иваном Грозным. 13 июня Михаил Иванович Воротынский умер по дороге в ссылку в нескольких километрах от Москвы. Воротынский удел был ликвидирован. Сын Михаила Ивановича – Иван Михайлович возглавлял подавление восстания казанских татар и черемисов в 1583 году, в 1586–1587 году был воеводой в Нижнем Новгороде, участвовал в борьбе против Бориса Годунова, был сослан, в 1605 году возвращен в Москву и получил чин боярина, руководил подавлением восстания Болотникова в 1606–1607 годах, член «Семибоярщины» в Смутное время, в октябре 1610 года арестован поляками, в 1612 году был освобожден, участвовал в Земском соборе 1613 года. Он был свояком царя Василия Шуйского по жене княжне Марии Буйносовой-Ростовской. Умер сын молодинского героя 8 января 1627 года. Его сын – Алексей Иванович Воротынский, начал службу стольником, потом – боярин, был женат на Марии Лукьяновне Стрешневой, сестре царицы Евдокии, жены царя Михаила Федоровича Романова. Умер на воеводстве в Туле 19 июня 1642 года. Его сын Иван Алексеевич служил воеводой и послом, получил боярство, был женат на княжне Наталье Федоровне Куракиной. В 1679 году род Воротынских пресекся смертью его сына Михаила Ивановича, женатого на дочери Льва Тимофеевича Измайлова.

Князья Хворостинины по отцовской линии происходили от ярославских, по материнской – от ростовских князей.

Город Ярославль был основан в начале XI века Ярославом Мудрым на месте торгово-ремесленного поселения, существовавшего с VIII века. С середины XI века Ярославль вошел в состав Ростовского княжества. Первым ярославским удельным князем стал внук Всеволода Большое Гнездо – Всеволод Константинович, погибший в марте 1238 года на реке Сити в битве с монголо-татарами.

Около 1260 года внука Всеволода Ярославича, сына Константина Всеволодовича Ростовского, Мария Васильевна Ярославская вышла замуж за можайского князя Федора Ростиславича Черного, сына Ростислава Мстиславича Смоленского, соединившего земли Ярославского княжества со смоленскими. Ярославские князья стали носить титул «великие», но к середине XV века Ярославское княжество практически распалось на Моложский, Заозерско-Кубенский, Сицкий, Прозоровский, Шуморовский, Новленский, Курбский, Пошехонский и Ухорский уделы. Ухорский удел получил название по реке Ухре, являвшейся притоком реки Шексны. Единственным удельным князем был Василий – второй сын ярославского князя Даниила Романовича. Сам Даниил Романович был сыном Романа Васильевича, внука Федора Ростиславича Черного. Пятый сын Василия Даниловича – Михаил Хворостина – и был родоначальником князей Хворостининых. В Истории родов русского дворянства, вышедшей в Петербурге в 1886 году, сказано о Хворостининых:

«Род их тянулся на шесть поколений от родоначальника – князя Михаила Васильевича Хворостинина – и в первых трех коленах был очень влиятельным, благодаря талантам представителей.

У князя Михаила Васильевича Хворостины было два сына: старший Иван Михайлович, окольный при Грозном, продолжатель рода, и младший Михаил Михайлович – бездетный. У окольного князя Ивана Михайловича, умершего в монашестве (1571 год) с именем Иосифа, было четыре сына: два старшие – бояре, два младшие – окольные. Старший из этих четырех братьев был князь Дмитрий Иванович, боярин (1584 год) из окольных (с 1571 года бывший в этом чине), умер в монашестве с именем Дионисия 7 августа 1590 года. От брака с Евдокией Никитишной оставил он сыновей: Григория Дмитриевича, Ивана Дмитриевича, окольного при царе Борисе, и Юрия Дмитриевича. У него был сын Федор, пожалованный незадолго до смерти в бояре из окольных (12 января 1653 года). Он был женат на Елене Борисовне (княжне

Татевой) и имел двух сыновей Семена Федоровича и Ивана Федоровича, стольника. С их смертью угасла знаменитая фамилия князей Хворостининых, по числу представителей заключающая необыкновенно большой процент замечательных деятелей, оставивших имя в истории.

Второй брат боярина Дмитрия Ивановича, боярин же князь Федор Иванович, окончил жизнь монахом 17 сентября 1608 года. Третий брат предыдущих был князь Андрей Иванович, знаменитый воевода, защитник Пскова от Батория при Грозном, при Федоре разоритель владения Шамхала, взявший Тарки в бытность терским воеводою (1589 год), строитель от Курска и Орла засек (1594 год) для защиты от набегов крымцев. Умер 24 апреля 1604 года. Четвертый брат предыдущих был окольный Петр Иванович, умерший еще в царствование Грозного».

Глава 3. Московское царство, Крымское ханство и Турция: хронология событий. XVI век

Прямые русско-турецкие контакты были установлены в 1497 году во время ответного (после неудачного турецкого 1493 года – султанский посол к Ивану III был задержан литовцами в Клеве) посольства в Стамбул стольника Михаила Плещеева. Основным официальным предметом переговоров была регламентация торговых отношений между двумя странами, которые в начале XVI века были достаточно интенсивными. Россия и Турция регулярно обменивались посольствами и грамотами «о здоровье, дружбе и любви», постоянно обсуждались торговые проблемы. Однако так было только внешне. Основной задачей турецкой дипломатии в Восточной Европе была организация захвата Казанского и Астраханского ханства – Турция стремилась господствовать над землями, прилегающими с юга к Московскому государству, овладеть бассейном Дона и Поволжья и использовать эти территории в своей борьбе с Западной Европой – с последующим ее захватом. Осуществлять свои экспансионистские желания Оттоманская Порта обязала своего вассала – Крымское ханство.

Крымское ханство считало себя наследником Золотой Орды и почти без изменений сохранило ордынские военные традиции. Население было организовано по военно-родовому принципу. Войско возглавлялось ханом – главой государства, каждый род был должен выставлять во время набегов и боевых действий определенное количество снаряженных воинов. Понятие воинской дисциплины было почти священным, действовал принцип единоначалия. Регулярной армии в ханстве не было, в поход татары выходили по воле их бея или мурзы. В набегам принимали участие почти все мужчины, способные носить оружие. А так как носили они его с двенадцати лет, то недооценивать мощь орды было по меньшей мере странно. Именно XVI и XVII века были периодом наибольшего расцвета Крымского ханства.

Турецкий путешественник и исследователь второй половины XVII века Эвлия Челеби в своей книге «Сейяхатнаме» – «Книге путешествий» – писал:

«О правилах крымских:

Полуостров Крымский – это земля, окружность которой около семисот семидесяти шести миль составляет. На этом столь большом пространстве полуострова находятся двадцать четыре казалька. Назначение и освобождение от должности всех кади находится в руках хана – кроме четырех в эйалете каффенском, которые находятся под властью султана османского.

Находятся в Крыму также сорок бейликов. Наилучшим и наипочтеннейшим из всех беев является бей пограничного замка Ор, обладающий собственным барабаном и знаменем. За ним, согласно закону, следует бей ширинов. Он властвует над двадцатью тысячами татар, ездящих на короткошерстных конях. Бей ширинов происходят от дочерей ханских, вследствие чего и они принадлежат к славному роду чингизидов. Бей ширинские были владетелями Крыма еще ранее ханов, ибо, прежде чем Джучи покорение Крыма начал, первым, кто ворвался в Крым и мечом им завладел, был предок этих самых беев ширинских. Следующие по порядку бей – начальники рода – это бей седжеут, третьи же – это бей дайр. Оные ведут с собой десять тысяч юношей на конях и вместе с беем ширинов выступают на войну вместе с калга-султаном. Бей, которые идут на войну слева от хана, с нуреддин-султаном, – это бей из рода Мансура. Обладает он двадцатью тысячами отважных смельчаков.

На этом полуострове Крымском находится тысяча шестьсот деревень и шесть тысяч усадеб. Деревни эти поставляют сто и еще двадцать шесть тысяч солдат. На войну идет, однако, сорок тысяч, но по желанию ханов на войну восемьдесят тысяч солдат татарских поехать может,

остальные же в Крыму остаются.

Кроме упомянутых восьмидесяти тысяч войска татарского, хан имеет всегда при себе три тысячи капыкулов, которые в Бахчисарае и в окрестных деревнях проживают. Это вооруженное мушкетами войско прислал хану Менгли Гирею султан Баезид Святой из слуг Порога Блаженства. В те времена капыкулов было ровно двенадцать тысяч, однако с течением времени в отрядах этих наступило разложение и осталось от них не более трех тысяч. Теперь они состоят на службе у ханов, однако они не татары, но потомки абхазов, черкесов и грузин.

Все ханы получают деньги для своей казны из таможни в Каффе, а ее начальник, согласно правилам падишахов османских, через своих дефтердара и казначея совершает надзор над расходами ханских Врат Блаженства.

Ханы получили также право обладания двумя бунчуками, двумя хоругвями и знаменами. Ханы обладают войском, которым воистину гордиться можно. Нет в нем вьючных лошадей, обоза, кухни, повозок, верблюдов, караванов, пушек, мушкетов, шатров или снарядов. Есть там только восемьдесят тысяч солдат-всадников, рвущихся в бой, с сагайдаками в руке, а также шести или семикратно по сто тысяч лошадей и жеребцов, разделенных на коши и связанных друг с другом хвостами. В каждом коше на расстоянии ста шагов находится котел, называемый хошчи, притороченный ремнями к одному коню, а также пара коней, везущих завернутые в кожи овечьи и козьи «фальшивые грудинки», то есть жареное пшено и сыр сушеный. Иные же запасы пищи им неизвестны.

Эта толпа татар, быстрых, как ветер, ловцов неприятеля, имеет обычай дорогу в десять постоев преодолевать за один день. Что удивительно, не имеют с собой при этом ни фуража, ни какого-либо иного корма для коней. Ибо когда они только с коней сходят, тотчас отпускают их под присмотром своих юношей в поле, те же, набегавшись, налягавшись и напрыгавшись, начинают пастись. Если поход зимой происходит, кони выгребают из-под снега траву или же подбирают и съедают высохшую траву прошедшего лета. Коней своих татары ячменем не кормят, но когда в поход военный собираются, то в течение сорока или пятидесяти дней не дают им ни соломы, ни сена, лишь на весь день и всю ночь сумы, ячменем наполненные, предоставляют.

Во время суровых зим, которые в тех местах бывают, татары шатрами не пользуются. Связывают они ремнем верхушки четырех жердей, толстые концы оных в землю втыкая, а потом на этих жердях раскатывают снятые с плеч войлочные ямурлахи свои. Содеяв таким образом нечто подобное шатру, стелют они на снегу чепрак с коня, а под голову себе седло подкладывают. Потом отвязывают свои сабли с ножнами и сагайдак и даже снимают рубахи, а разослав их на кожухе, укладываются спать абсолютно нагие. Утром надевают свои полотняные рубахи, красные и небесно-голубые. Когда же они встают, тотчас этот ямурлах, сверху как шатер подвешенный, на конском хребте вместо чепрака стелют, а потом коню седло высокое надевают и в двух местах двумя ремнями прикрепляют. После чего в мгновение ока коней оседлывают, а уж сидя верхом саблю и сагайдак цепляют на себя. Конь, пару раз нагайкой огретый, в галоп пускается, вследствие чего на таком морозе и конь и сам всадник разогреваются и так в дорогу выступают.

Словом, народ этот Аллахом намеренно для войн сотворен был. Однако хан, калга, нуреддин и ширин-бей имеют небольшие войлочные шатры. Сверх того, хан обладает шатром из одного полотна с восемью отделениями. И это все».

Постоянные набеги крымских татар на Московское государство начались с 1507 года, после смерти московского великого князя Ивана III Васильевича, когда татары совершили набег на русские города Белев и Козельск. После разгрома Большой Орды, основного противника Крымского ханства в Северном Причерноморье, русско-крымский союз распался. Основной

деятельностью крымских ханов стали набеги и походы на литовско-польские и украинско-русские земли для их грабежа, сбора дани и захвата пленников для продажи и получения выкупа. Самые опасные и страшные набеги на московские земли происходили в 1516, 1537, 1555, 1570, 1572, 1589, 1593, 1640, 1666, 1667, 1671, 1688 годах. Одних только пленных татары уводили за один набег от пяти до пятидесяти тысяч человек. Пленные продавались в Каффе, Карасубазаре, Бахчисарае и Гезлеве. По указанию турецких политиков Крымское ханство обязано было проводить внешнюю политику, враждебную Московскому государству, однако татарские ханы часто выступали на русской стороне во время войн Москвы с Литвой и Польшей, не желая чрезмерного усиления ни того, ни другого государства.

Первая попытка Турции вмешаться в дела Казанского ханства произошла в 1513 году – турецкий султан в своей грамоте московскому великому князю Василию Ивановичу от 1 августа просит отпустить в Крым к хану находящегося в Москве казанского хана Абдул-Латифа. Одновременно с этим турецкий посол в Москве Камал пожаловался на азовских казаков:

«Да от азовских казаков великого князя украинам много лиха чинится, и государь о том к салтану мне ли велит от себя говорить, или прикажет с своим послом?» Одновременно с этим по приказу турецкого султана также начинает проявлять большой интерес к казанским делам и крымский хан Мухаммед Гирей. Начинается борьба Турции и Крыма за влияние в Казанском и Астраханском ханствах.

В 1519 году Турция также попыталась укрепиться на Дону, прислав в Азов три корабля – каюка – с десантом и пищальями, якобы для охраны русских послов от набегов астраханцев и ногайцев – нарождающееся донское казачество не позволило этого сделать.

В 1521 году брат крымского хана Сахиб Гирей захватил Казань и объявил себя ханом. В том же году объединенное войско Мухаммед Гирея и Сахиб Гирея через Нижний Новгород и Владимир дошло до Москвы, вынудив великого московского князя Василия Ивановича уйти в Волоколамск собирать войска для отражения набега. Мухаммед Гирей набрал пленных, пограбил деревни и ушел в Крым, где в 1523 году в междоусобной войне был убит князьями Ногайской Орды. Совместный поход Казани и Крыма на Москву был осуществлен под руководством турецкого султана Сулеймана – династия Гиреев укреплялась в Казанском ханстве, а вокруг Москвы создавалось неприятельское кольцо. Василий III попытался ослабить турецко-татарское давление на Московское государство и в 1523 году недалеко от Казани построил крепость Васильсурск, однако напряженность на южных границах не исчезла. Весной 1524 года казанский хан Сахиб Гирей заключил с султаном Сулейманом мирный договор – Казань стала вассалом Оттоманской Порты. Турция впервые открыто вмешалась в дела Восточной Европы, руководя действиями татарских ханств. Летом 1524 года русские войска пошли на Казань. Тут же в Москву прибыл посол турецкого султана Скиндер с требованием признать Казанское ханство «юртом» султана. Московский дипломат Шигон Поджогин ответил, что Казань «изначала юрт государя нашего Василия Ивановича». Сахиб Гирей ушел в Крым – новым Казанским ханом стал Сафа Гирей.

В 1533 году великий московский князь Василий III умер. Правление страной было поручено «немногим боярам» – младшему брату великого князя Андрею, М. Юрьеву, В. Шуйскому, И. Шуйскому, М. Воронцову, М. Глинскому и М. Тучкову. Однако вскоре правительницей государства на пятилетний срок стала жена Василия III Елена Глинская, по приказу которой в течение 1534–1538 годов московский посад – «китай-город» – был защищен каменной стеной с двенадцатью башнями.

В 1534 году из Москвы в Литву бежал князь Семен Федорович Бельский. С литовской помощью он хотел вновь создать на российской земле Рязанское княжество, а позднее организовывал совместный поход польско-литовских и крымских войск на Москву. Из Литвы

он ушел в Крым и в 1536 году участвовал в набеге крымских отрядов на земли Москвы. В 1537 году Семен Бельский получил грамоту от турецкого султана, в которой султан предлагал оказывать Бельскому содействие не только крымскому хану Сахиб Гирею, но и польскому королю Сигизмунду. При участии Семена Вольского между Польско-литовским государством и Крымским ханством был подписан союзный договор, направленный против Москвы. Одновременно Сахиб Гирей давал клятву Москве:

«Ярлык или шертная грамота Крымского царя Сагип Гирея царю Иоанну Васильевичу: о бытии ему с государем в дружбе и согласии на тех условиях, которыми обязывались предшественники его, утвержденная приложением золотой печати пред Российским в Крыму посланником Иваном Федцовым по списку изготовленному в Москве царевым бакшеем (писцом) пред послом Сулеш Мурзою, с которым присланная от Крымского шертная грамота не принята была Государем по причине помещенных двух предосудительных статей касательно урочной присылки подарков и включения в союз казанского царя Сафа Гирея».

В 1540 году главой русского правительства при семилетнем Иване IV стал Иван Федорович Бельский, амнистировавший своего брата Семена. В 1541 году по приказу турецкого султана начался большой поход стотысячного войска крымского хана Сахиб Гирея на Москву, с трудом остановленный у Оки русскими войсками. Сахиб Гирей, возглавлявший поход писал малолетнему Ивану IV: «Прииду на тя, и стану под Москвою в твоём селе Воробьево, и распущу войско свое, и пленю землю твою. Мы намерены, разграбив твои земли, схватить тебя самого, запрячь в соху и заставить сеять золу». Крымский хан вел на Москву кроме своих воинов турецких янычар, вооруженных пушками и пищальями, ногайцев и астраханцев. Русские войска под командованием князя Д. Бельского встретили Сахиб Гирея у Коломны и не дали перейти Оку. 31 июля крымский хан повернул своих воинов в Крым. В январе 1542 года Иван Бельский был отстранен от власти в Москве. Период боярского правления в Московском государстве продолжался до 1547 года. Иван Грозный в 1564 году писал Андрею Курбскому об этом периоде русской истории: «Со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы... а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды. Бояре, изменники, получили царство без правителя, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга».

16 января 1547 года Иван Грозный венчался на царство. В марте 1549 года умер казанский хан Сафа Гирей – представитель крымской династии. Начались походы русских войск для овладения Казанским ханством – 1547–1548 и 1549–1550 годы. Серьезных результатов они не принесли. В 1551 году прямо напротив Казани была построена русская крепость Свияжск, ставшая военной базой русских войск.

В 1551 году в междоусобной борьбе была уничтожена вся семья Сахиб Гирея с ханом во главе. Крымским ханом стал Девлет Гирей II, правивший до 1577 года. Новый хан Девлет Гирей в 1552 году организовал свой первый набег на Москву. Вместе с татарскими войсками шел большой отряд турецких янычар Казим-мирзы с артиллерией. В июне крымские отряды подошли к Туле и попытались взять город приступом. Тульский гарнизон воеводы князя Григория Темкина отбил приступ, а в тот же день к городу подошли основные русские войска, которые догнали и основательно потрепали отступивших татар, отбив почти всю артиллерию и захватив много пленных и верблюдов, считавшихся тогда в России очень дорогой и экзотической добычей.

Набег Девлет Гирея вглубь русских земель преследовал своей целью захват центральных территорий Московского царства в тот момент, когда основные русские войска будут отвлечены

на Казань. Тем самым крымский хан планировал и срыв русского похода на Казанское ханство – войска должны были защищать свои границы от очередного крупного набега крымских татар. Однако этого не произошло.

Русское правительство, своевременно предупрежденное о набеге Девлет Гирея, развернуло свои войска так, чтобы они могли прикрывать одновременно южные и юго-восточные границы – часть войск была сосредоточена в Коломне и Кашире, часть – в Муроме. Артиллерия – «наряд» и большие запасы продовольствия заранее были доставлены в Свияжск. Разгромив к 25 июня 1552 года войска Девлет Гирея, русская армия двумя дорогами – через Владимир, Муром, Рязань и Мещеру пошло на Казань. В середине августа войска подошли к Свияжску, пройдя 850 километров за 40 дней. 20 августа русские войска подошли к столице Казанского ханства. Казань имела двойные дубовые стены толщиной 9 метров при высоте 8 метров, пространство между которыми было засыпано камнем и глинистым илом, что делало почти невозможным пролом их артиллерийским огнем. Перед стенами был вырыт глубокий ров. Внутри находился 30-тысячный гарнизон. В короткий срок вокруг Казани русскими войсками были построены две линии из туров с позициями для артиллерии, расположенные в 200 метрах от крепостных стен. Одновременно под стены были прорыты минные подкопы. Царский опричник немец Г. Штаден оставил свидетельство очевидца о том,

«Как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань.

Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией, когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все укрепления землей; сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свияжском. Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими.

Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а казанского хана-царя Едигея взял в плен и отдал воинским людям город, как добычу».

После серии минных взрывов и артиллерийского обстрела города с туров начался кровопролитный штурм Казани. Один из героев взятия Казани князь Андрей Курбский впоследствии писал: «пока мы были далеко от стен, никто не стрелял из ручниц или стрел, а когда мы подошли близко, тогда впервые на нас был пущен огненный бой со стен и башен; тогда стрелы летели густо, наподобие частого дождя; тогда летело бесчисленное множество камней, так что и воздуха не видно было, когда же с великим трудом и бедою подошли мы ближе к стенам, тогда начали на нас поливать кипящим варом и бросать целыми бревнами».

В полдень 2 октября 1552 года Казань была взята русскими войсками.

Завоевав Казанское ханство. Московское государство получило восточные рынки и торговые пути, плодородные земли и богатые рыбные промыслы. Подобное усиление Русского государства обеспокоило не только Турцию и Крымское ханство, но и Польшу, Литву, Ливонию, Швецию, Рим и империю Габсбургов. Попытки русского правительства создать антикрымско-турецкую коалицию ни к чему не привели.

Следующий крымский набег на русские земли произошел летом 1555 года. В июне шестидесятитысячное татарское войско дошло до Тулы. 3 июля 1555 года произошла кровопролитная битва у урочища Судьбищи (позднее село Новосильское Тульской области), после которой татарское войско, десятикратно превышавшее по численности русскую рать И.В.

Шереметева, повернуло назад, в Крым.

Новым видным торговым центром стала Астрахань. В 1554 году московская партия поставила астраханским ханом Дербыша, однако он был замечен в тесных отношениях с Крымским ханством. Тогда и было решено присоединить Астраханское ханство к России. Москва воспользовалась обращением татарской знати к русскому царю «чтобы русский государь оборонил их от Дербыша и учинил в Астрахани своих людей как и в Казани». В марте 1556 года к Астрахани подошли стрельцы под командованием Черемисова и Тетерина и казаки атамана Колулаева. Татарские отряды были разгромлены, хан Дербыш бежал к туркам в Азов. В 1556 году Астрахань была присоединена к Москве.

По свидетельству венецианского посла Франческо Тьеполо «при взятии Казани и Астрахани было, кроме конницы, какую Иван IV держал против перекопских или крымских татар и в других местах, более 100 тысяч конных, он мог бы выставить и 200 тысяч конных, и немалое число пеших». Ливонский летописец XVI века Рюссов писал: «Когда великий князь Московский покорил все княжества в России и оба упомянутые татарские царства, то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король».

После присоединения Казани и Астрахани Московское государство получило возможность прямой торговли с ханствами Средней Азии, Азербайджаном, Ираном, Ногайской Ордой, Турцией и Крымом. Это значительно увеличило и торговые обороты и доходы казны. Достаточно сказать, что до середины XVI века годовой оборот торговли России и Крымского ханства составлял 400 рублей – почти ничего. Основными торговыми городами были Москва, Казань, Астрахань, Новгород, Тара и Тобольск. Центром торговли Московского государства с Турцией и Крымским ханством был Путивль. В другие русские города доступ иностранцев был ограничен. Из России на Восток везли меха, кожи, железные, деревянные и текстильные изделия, воск, мед. Большое количество соли доставлялось из Соловков, что очень не устраивало и мешало Крымскому ханству, традиционному поставщику этого товара. Были и «заповедные товары», в частности оружие, торговать которыми могла только казна. В обмен шли шелковые ткани, бархат, текстиль, ковры, одежда, сафьян, пряности, бакалея, краски, драгоценные камни, оружие и конское снаряжение. Торговля с Турцией проходила по Дону и Черному морю, или через Крымский полуостров. Кроме традиционных мехов и кожи, Оттоманская Порта и Крымское ханство получали от Москвы ловчих птиц и моржовую кость, в Россию отправляли шелк-сырец, хлопок, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, кожу, сафьян, кафтаны, кушаки, ковры, бакалейные и москательные товары, монеты, изделия из золота и серебра, оружие и конское снаряжение. Крымское ханство поставляло также много скота.

После разгрома Казанского и Астраханского ханства появилась возможность населению Московского царства через Поволжье начать освоение Урала и Сибири, значительно расширить торговые связи со странами Азии и Кавказа. Во второй половине XVI века на новых землях были построены новые города – Самара, Саратов, Царицынка, Уфа, Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск, Кокшайск, Сунгурск, Лаишев, Тетюшев, а немного позднее – Симбирск, Сызрань, Пенза, Тамбов.

Однако укрепиться на присоединенных территориях России удалось не сразу. В 1554 году на территорию России вторглись шведские войска короля Густава Вазы. После месячной неудачной осады шведами крепости Орешек русские войска воеводы Петра Щенятева отбросило шведские отряды от города и пошли на Выборг. В десяти километрах от Выборга – при озере Латецком – русские войска разгромили шведов. Густав Ваза попросил мира, который был подписан в 1557 году. Через год началась двадцатипятилетняя война с Ливонией, а точнее дележ наследства распавшегося Ливонского ордена европейскими державами.

«Главной целью русского правительства стало присоединение Прибалтики и получение

удобного выхода к Балтийскому морю, от чего зависело развитие русской экономики. Войну ускорило заключение военного агрессивного союза Ордена с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом Августом в сентябре 1557 года. Поводом к Ливонской войне послужил отказ Ливонского ордена от уплаты России «юрьевской дани», установленной договором между Иваном III и Орденом за владение городом Юрьевом (Дерпт, Тарту). Благодаря внезапности нападения русским удалось в течение полугода занять Нарву, Дерпт, восточные эстонские земли, выйти к Ревелю. В Латвии русское войско достигло Риги, а затем дошло до границ Литвы. После 6-месячного перемирия военные действия возобновились и были поначалу успешными для России: в 1560 году захвачены крепости Мариенбург и Феллин, магистр Ливонского ордена попал в плен. Орден, по существу, распался. Однако во время упомянутого перемирия ливонские власти успели заключить соглашение с польским королем при посредничестве датского короля. На втором этапе войны России предстояло иметь дело уже с тремя сильными противниками: Великим княжеством Литовским, объединенным унией с Польшей, Швецией, захватившей Северную Эстонию, и Данией, получившей остров Эзель (Сааремаа).

В феврале 1563 года русские войска взяли Полоцк, открыли дорогу к Вильне – столице Литовского княжества. В январе 1564 года под Оршей русские были разбиты. Ливонская война приняла затяжной характер. В годы опричнины военные действия шли с переменным успехом; земский собор 1566 года отверг предложение польского короля о перемирии и принял решение продолжать войну. С 1569 года России противостояло уже единое государство – Речь Посполитая. Однако польское «бескорольевье» начала 1570-х годов дало возможность Ивану IV предпринять еще одно наступление на Ливонию. Было создано вассальное Ливонское королевство во главе с братом датского короля Фредерика II Магнусом, замуж за которого Иван IV выдал свою племянницу – Марию Старицкую. Русские войска взяли несколько ливонских городов, осадили Ревель (август 1570 – март 1571 года), добились перемирия со Швецией, ведшей кратковременную войну с Россией. Союз с Магнусом в ходе войны распался.

В 1575 году польско-литовским королем стал Стефан Баторий, сторонник решительных антирусских действий. Хотя русскому войску удалось к 1577 году занять большую часть Ливонии, но в 1578 году Стефан Баторий перешел в наступление и отвоевал города в Ливонии, овладел в 1579 году Полоцком и в 1581 году взял Великие Луки и осадил Псков. К этому времени перешла к активным действиям и Швеция, занявшая в 1581 году Нарву, Ивангород, Ям и Копорье. Выхода к Балтийскому морю у России больше не было. Лишь героическая оборона Пскова предотвратила дальнейшее наступление на русские земли. Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой (1582) и Плюсское – со Швецией (1583) завершили Ливонскую войну, продолжавшуюся четверть века и окончившуюся поражением для России».

Русский историк С.Ф. Платонов так писал о Ливонской войне:

«С 1558 года шла у Грозного упорная борьба за балтийский берег. За преобладание на Балтике спорили многие прибалтийские государства, и старание Москвы стать на морском берегу твердой ногой поднимало против «московитов» и Швецию и Польшу и Германию. В два года (1558–1560) Ливония была разгромлена московскими войсками и распалась. Чтобы не отдаваться ненавистным московитам, Ливония по частям поддалась другим соседям: Лифляндия была присоединена к Литве, Эстляндия – к Швеции, о. Эзель – к Дании, а Курляндия была секуляризирована в ленной зависимости от польского короля. Литва и Швеция потребовали от Грозного, чтобы он очистил их новые владения. Грозный не пожелал, и, таким образом, война Ливонская с 1560 года переходит в войну Литовскую и Шведскую. Эта война

затянулась надолго. Вначале Грозный имел большой успех в Литве: в 1563 году он взял Полоцк, и его войска доходили до самой Вильны. В 1565–1566 годах Литва готова была на почетный для Грозного мир и уступала Москве все ее приобретения. Но земский собор 1566 года высказался за продолжение войны с целью дальнейших земельных приобретений: желали всей Ливонии и Полоцкого повета к г. Полоцку. Война продолжалась вяло. С появлением Батория картина войны изменилась. Литва из обороны перешла в наступление. Баторий взял у Грозного Полоцк (1579), затем Великие Луки (1580) и, внося войну в пределы Московского государства, осадил Псков (1581). Неудача Батория под Псковом, который геройски защищался, позволила Грозному, при посредстве папского посла иезуита Поссевина, начать переговоры о мире. В 1582 году был заключен мир (точнее, перемирие на 10 лет) с Баторием, которому Грозный уступил все свои завоевания в Лифляндии и Литве, а в 1583 году Грозный помирился и со Швецией на том, что уступил ей Эстляндию и сверх того свои земли от Наровы до Ладожского озера по берегу Финского залива (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, Корелу). Таким образом, борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полной неудачей».

Русское государство в течение многих лет вело борьбу на два, а то и на три фронта, в течение 25 летней Ливонской войны татарские орда 21 раз совершали набеги на русские земли, 12 из которых возглавлялись непосредственно Девлет Гиреем или его сыновьями. Серьезное выступление против Турции и Крымского ханства было практически невозможно, но защищать южные границы России было необходимо.

Московское правительство было прекрасно осведомлено о внутренних делах Крымского ханства, о зависимости хана от знатных беков, и поддерживало отношения не только с ханом, но и с его родственниками и крымской знатью. Посылались гонцы, везли подарки. «Росписи поминков» – подарков хранились в Москве у казначеев. Основными «доброхотами» Москвы в Крыму были яшлавские беки Сулешевы, они возглавляли «московскую партию» в ханстве. Такие же «московские партии» были созданы в начале XVI века и в Казанском и Астраханском ханствах, в Ногайской Орде.

В марте 1556 года военный отряд, составленный из путивльских казаков и возглавляемый воеводой – Дьяком Ржевским, соединившись на Днепре с черкасскими и каневскими казаками, прошел к татарской крепости Исламкермен, но не стал ее брать. Русские осадили и взяли Очаков, побив турецко-татарское войско и освободив много славянских пленных, и стали возвращаться назад. За ними в погоню пошли турки из гарнизонов Очакова и Тягина с татарской ордой, догнали, в днепровских камышах попали в казацкую засаду и вернулись назад ни с чем. После этого отряд Ржевского у Исламкермена догнало крымско-татарское войско во главе с калгой, осадило казаков на днепровском острове, шесть дней пыталось разбить их, не смогло и тоже вернулось назад. Казацкий отряд благополучно вернулся в Путивль. Не получая никакой помощи от Польско-Литовского государства, Вишневецкий приехал в Москву, где принял присягу вечной службы московскому царю, получил в вотчину город Белев с округой и большое денежное жалованье.

Иван Грозный послал грамоту и послов польскому королю с известием о том, что Москва прервала все отношения с Крымом и предложил союз Польше и Литве против Крымского ханства, не выдвигая никаких территориальных претензий. Он сообщил, что собрано большое московское войско во главе с Вишневецким для похода на Крым. Однако польский король Сигизмунт-Август после длительных переговоров вместо союза с Московским государством возобновил союз с Крымом, направленный против Москвы. Объединенного удара по Крымскому ханству не получилось, хотя наиболее удобного случая разгромить Орду, ослабленную засухой, голодом и мором и представиться не могло. Вишневецкий пошел в поход

на Крым с небольшим отрядом. Основные московские силы были заняты на Балтике, разгоралась Ливонская война. Вишневецкий прошел к Перекопу, где его ждало войско крымского хана. Сил не хватало, Вишневецкий дождался встречи с отрядом Ржевского и пошел в Исламкермен. Он планировал обойти Перекопскую крепость и захватить Гезлев-Евпаторию, единственный морской порт Крымского ханства, но неожиданно был отозван в Москву. Летом 1559 года план Вишневецкого был исполнен: восьмитысячное московское войско во главе с воеводой Данилой Адашевым на стругах от Кременчуга спустилось по Днепру и вошло в Черное море. Захватив два турецких корабля, русский отряд высадился на западном побережье Крыма. Разбив татарский заслон, отряд Адашева две недели опустошал крымское побережье и, «нагнав великого страху», благополучно вернулся домой.

Франческо Тьеполо писал: «Послав войска против прекопитов и нанеся им ряд поражений между Доном и Днепром, Иван IV принудил их отступить на их полуостров, где они при помощи турок и рва, отделяющего их от материка, нашли защиту от московитов, не дав им войти в Крым. Тут эти последние, появившись внезапно на множестве вооруженных судов и лодок из устьев Дона и Днепра, захватили в Черном море и Азовском три больших турецких корабля и много малых судов, а после этого безуспешно пытались взять город Азов, но были отозваны царем».

После серии этих походов крымский хан прислал посла к московскому царю с предложением мира, с чем Иван IV согласился, предупредив хана, что «русские люди узнали дорогу в Крым и по землям и морем». Но мир был недолгим.

Русским историком А.А. Новосельским составлен «Перечень татарских нападений на Московское государство с 1558 года до конца XVI века.

В 1558 году 17 января русские войска перешли границу Ливонии. В январе же на Хортицу на Днепр был послан с ратными людьми князь Д. Вишневецкий. 21 января в Москве было получено сообщение о том, что крымский царь Девлет Гирей, узнав о походе русских войск в Ливонию и «умысля злое христианству», послал на Русь сына своего Магмет Гирея, князей и мурз крымских, с ними же отпустил мурзу Дивея с братьями и мурз, пришедших к нему из Большой Ногайской орды (мурзу Аису Уразлыева, двух сыновей кн. Исмаила – Тинбая и Кулбая). Всех татар было, по летописи, 100 тысяч. Татары перешли реку Донец «низко к Дону» и намеревались напасть на Рязань, Каширу и Тулу. Дойдя до реки Мечи и получив известие о сборе войск на Оке, татары ушли обратно, не осуществив своего плана. Русские ратные люди тремя полками ходили за татарами вплоть до реки Оскола. Посланные к Донцу головы с сотнями татар не достигли.

В 1559 году меры, принятые в самом начале года, представляют собой попытку предупредить новое нападение татар. В феврале на Донец был послан князь Д. Вишневецкий для нападения на Керчь и другие крымские улусы, а на Днепр был отпущен Д. Адашев «для промыслу» над Крымом с другой стороны. Этим не ограничивались меры предосторожности. 11 марта Иван IV с братьями и боярами обсуждали вопрос о том, как против Девлет Гирея «стоять» и Украину оберегать. На Украину было послано пять полков, а стоять им было «на поле, прошед Тулу» или, как говорят разрядные записи, «на поле за Дедиловом на Шивороне». Для подкрепления действий князя Д. Вишневецкого был послан на Дон И. Вешняков. Девлет Гирей, усилившись за счет ногаев, имел серьезное намерение совершить на Русь поход. Вероятно, сосредоточение крупных сил на московской Украине, а также активные операции со стороны Дона и Днепра помешали походу. Уже в апреле князь Д. Вишневецкий сообщил, что на реке Айдаре он нанес поражение крымцам, пытавшимся проникнуть в казанские места. В июле Д. Адашев доносил об удачных действиях против Крыма со стороны Очакова. И. Вешняков со своей стороны перехватил шедших под Крым мурз Больших ногаев и нанес им поражение. В

августе с Дедилова на Тихую Сосну был послан воевода И. Федцов с ратными людьми, «а стоять ему было в Серболовом лесу», следовательно, он должен был охранять Калмиуский шлях. На Дедилове и по украинным городам был произведен смотр войскам. 23 августа большой воевода князь И.Д. Бельский был отпущен со службы. Очевидно, правительство считало опасность татарской войны миновавшей. Несмотря на все принятые меры, имеются сообщения о двух приходах татар. Татары приходили под Пронск, где были разбиты В. Бутурлиным. В ноябре татары (3000 человек) во главе с Дивеем мурзой и мурзами Ширинскими «безвестно» пришли на тульские места и воевали в ростовской волости. Воевода князь Ф.И. Татев не мог их преследовать, потому что ратные люди не собрались к нему во время. Очевидно, к тому времени ратные люди были уже распущены.

В 1560 году меры по обороне украины заключались в следующем: пять полков стояло на Туле, затем три полка во главе с князем А.И. Воротынским были выдвинуты на Быструю Сосну, «а стоять им на поле на Ливне». После отпуска больших воевод было получено сообщение о приходе Дивея мурзы с 30000 татар на рыльские места. Воеводы с Тулы ходили за татарами и Дивея «дошли, а дела с ним не поставили». Были вести о сосредоточении крупных татарских сил на реке Удах (до 20 тысяч) во главе с царевичами. Из переписки Девлет Гирея с королем Сигизмундом мы узнаем, что Девлет Гирей действительно посылал в поход сына своего Магмет Гирея, но поход не состоялся вследствие непредусмотрительности татар. В том же году, «по вестям» о намерении татар напасть на темниковские места, туда был послан воевода князь Темкин, Состоялось вновь назначение в Тулу воевод.

От 1561 года мы не имеем сведений о нападении татар, кроме действий белгородских татар зимой 1561–1562 годов в Северной земле. В Ливонии весь год прошел в опустошительных походах. О состоянии обороны южных границ сведений нет.

В 1562 году шли приготовления к открытию боевых действий против польского короля, срок перемирия с которым истекал. Король Сигизмунд-Август проявил особенную энергию, «подымая царя (Девлет Гирея) на государевы и великого князя украины». Сношения эти стали известны в Москве, и «на берегу» «от поля» были поставлены полки. В Серпухов были назначены князь Владимир Андреевич и князья Михаил и Александр Воротынские. 21 мая сам царь двинулся в поход в Можайск а 28 мая князь Андрей Курбский взял Витебск. 6 мая Девлет Гирей с царевичами приходил к Мценску, стоял под городом 2 дня, сжег часть посада и воевал уезд. Летописец сообщает, что Девлет Гирей привел с собой мало людей (до 15 тысяч). Узнав, что царь в Можайске, а в Серпухове собраны войска, Девлет Гирей спешно покинул пределы московской украины. Отступая, Дивей мурза и другие князья и мурзы «войну распустили к Волхову и Белеву». Воевода В. Бутурлин не дал татарам опустошить болховских мест. Князья М. и А. Воротынские ходили за татарами до Коломака и Мерчика, но не настигли их. Летопись, надо думать, смягчает картину татарского набега, потому что в грамоте королю Сигизмунду Девлет Гирей говорит о большом полоне и разорении, называет несколько городов (Мценск, Одоев, Новосиль, Волхов, Белев и Чернь), подвергшихся войне. Но король не был удовлетворен этим и настаивал на новом походе зимой в Северскую землю, где в то же время действовали белгородские татары. В сентябре царь вернулся из Можайска в Москву. В это время были наложены опалы на князей М. и А. Воротынских и князя Курлятева. В ноябре началась ссылка с польским королем о заключении мира. Одновременно Девлет Гирею было сделано предложение о возобновлении мира. Царь Иван IV двинулся под Полоцк в декабре; 15 февраля 1563 года Полоцк был взят.

В 1563 году между 4 апреля и 12 мая, в то время как царь Иван IV совершал объезд городов Перемышля, Одоева и Белова, татары во главе с царевичами Магмет Гиреем и Алды Гиреем, мурзой Дивеем, князем Азием Ширинским, Алеем мурзой Ширинским, Мурат мурзой

Сулешевым и другими в числе до 10 тысяч человек приходили к Михайлову. Польский король поздравлял Девлет Гирея с удачным походом, с «фортуной».

В 1564 году новый поход русских в Литовскую землю сопровождался поражениями. В августе Иван IV согласился в перемирной грамоте с шведским королем на отказ от Кольвани и Пернова, потому что с польским королем «всчалось большое дело». Разрядные книги указывают, что с апреля полки были поставлены «от поля» в Калуге, то есть они не столько защищали Украину от татар, сколько были выставлены против поляков. Полагаясь на договор о мире и дружбе с Девлет Гиреем, Иван IV «воевод больших с людьми в украинных городах от крымской стороны не держал»; оставлены были только «легкие воеводы с малыми людьми». Воспользовавшись этим, Девлет Гирей в первых числах октября с значительными силами, определяемыми русскими источниками в 60 тысяч человек, напал на рязанскую землю. Выбор момента для нападения был, очевидно, согласован с походом короля под Полоцк (16 сентября – 4 октября). При выборе места для нападения Девлет Гирей принял во внимание расположение русских вооруженных сил, сосредоточенных под Калугой, то есть далеко от места действия татар. Девлет Гирей стал под Рязанью, сжег посады и распустил людей в войну. Для сохранения втайне своего нападения Девлет Гирей взял «за сторожи» московских послов в Крыму Афанасия Нагого и Федора Писемского. Сама Рязань и вся рязанская земля была беззащитна. «Град ветх вельми бяше». Служилых людей в городе не было, были в нем лишь его постоянные жители и селяне, успевшие скрыться в город. Жителей, бежавших к Оке, татары забирали на перевозах, успевших переправиться татары преследовали и забирали на другой стороне Оки. Лишь 17 октября состоялся указ о посылке «на берег» воеводы И.П. Яковлева с теми немногими служилыми людьми, которые в то время оказались в Москве. Войска эти, прибыв к Оке, уже не застали там татар, кроме последних их отрядов. 3 декабря Иван IV «оставил свое государство», положил опалу на бояр, духовенство, служилых и приказных людей. Бояр и воевод царь обвинил в том, что они «от Крымского и от Литовского, и от немец не хотят крестьянства обороняти».

В течение 1565 года на главных театрах войны не происходило крупных операций; шли мирные ссылки с польскими и шведскими королями и Девлет Гиреем. Военные силы были сосредоточены главным образом на юге. С весны «для Крымского неправды, что со царем и великим князем гонцы будто ссылается, и на государевы украины приходил, и для береженья государь воеводам по берегу и украинным городам стояти велел; нечто царь и царевичи пойдут на царевы и великого князя украины, и к государю с тою вестью часа того послати, а бояром и воеводам князю И.Д. Бельскому и князю И.Ф. Мстиславскому и иным бояром и воеводам тотчас велел итти на берег и дела государского и земского беречи». Роспись полков «на берегу» была такова: на Коломне – полки большой и левой руки, на Кашире – правой руки, в Серпухове – сторожевой, в Калуге – передовой. 19 мая были получены довольно неопределенные сообщения о движении татар «вверх Мерла по Муравскому шляху». Этого сообщения было достаточно, чтобы вся береговая служба была приведена в действие: воеводы были спешно отправлены по местам, составлена роспись «схода» воевод из украинских городов. Тревога оказалась необоснованной. Осенью (15 сентября) была составлена новая роспись полков (трех) о постановке их на Туле во главе с князем Владимиром Андреевичем. Но, как видно из последующего, эта расстановка полков осуществлена не была, и почти одновременно была составлена роспись постановки полков «на берегу». Вскоре же после этого поступило известие (21 сентября) о сосредоточении татар на Каменном броде и у верховий Тора и движении их в течение 2 дней через Савинский перевоз на Донце по Изюмскому шляху. В начале октября сам Девлет Гирей приходил к Волхову. С «берега» и из украинских городов против него «поспешили» воеводы с войсками, и Девлет Гирей, не распустив татар в войну, спешно ушел. По летописи, Девлет Гирей пришел к Волхову 7 октября, а ушел 19-го в полночь. Возможно ли,

чтобы за такой срок татары не производили опустошений? По разрядным записям, Девлет Гирей пришел под Волхов 9 октября и ушел в тот же день в полночь.

В 1566 году сношения с польским королем завершились заключением перемирия до Рождества. Ногаи, пришедшие на помощь Ивану IV, были отпущены обратно. Для обороны Полоцкой земли поставлены города в Усвяте, Соколе и Уле. Такие же оборонительные меры были приняты и на Украине. На реке Орлее был поставлен город Орел. По видимому, завершены были какие-то работы по укреплению засечной черты, а сам царь в течение месяца (с 29 апреля по 28 мая) производил объезд Козельска, Белева, Волхова, Алексина и других украинских мест и городов с крымской стороны. Быть может, всей этой совокупностью обстоятельств объясняется, что источники не содержат указания на расстановку полков «на берегу» и на Туле. Ближайшие к Украине полки стояли на Калуге. Татары нападений не совершали. Калга Магмет Гирей по требованию султана ходил в Венгрию, а сам Девлет Гирей в конце 1566 года на короля.

В 1567 году Крым находился некоторое время в состоянии колебания. В январе в Москву прибыл от Девлет Гирея гонец с предложением «быти в крепкой дружбе и братстве» и извещением о походе Девлет Гирея с сыном Алды Гиреем на короля (относится к концу 1566 года). Но одновременно же Девлет Гирей начал переговоры с королем о мире и союзе против Москвы, завершившиеся заключением такового. В борьбу вступила Турция, договорившаяся в 1568 году с Польшей. С апреля «на берегу» «для проходу» крымского царя было поставлено 5 полков – в Коломне – Серпухове – Кашире. Из крымских документов узнаем, что уже в мае мурзы Осман и Селим Ширинские с 6000 татар направились было в набег на московскую Украину, но Девлет Гирей вернул 3000 человек. С остальными мурза Осман все же продолжил поход. Удалось ли Девлет Гирею задержать и эту часть татар, сведений нет. От самого конца 1567 года и начала 1568 года есть несколько указаний о набеге на Северскую землю Исмаила мурзы с товарищами.

От 1568 года имеется только одно недостаточно ясное указание, из которого можно предположить, что полки стояли в этом году в Калуге. В статейном списке Афанасия Нагого находим краткое указание, что в начале июля Девлет Гирей отпустил своих сыновей Алды Гирея и Казы Гирея на московскую Украину войной.

В 1569 году, в связи с походом турецко-татарского войска под Астрахань, оборона юга была особенно усилена: 5 полков стояло «на берегу», 3 полка «за рекой» и 3 полка на Рязани. Поход не имел успеха, однако он связал вооруженные силы Московского государства.

В 1570 году Иван IV посадил в Ливонии в качестве своего вассала датского принца Магнуса, который с помощью русского войска совершил поход под Ревель. С Польшей было заключено трехлетнее перемирие. Однако главная масса вооруженных сил была отвлечена на защиту южных границ, откуда все время ожидали татарского нападения. Король польский, заключив перемирие с Иваном IV, неустанно побуждает Девлет Гирея к совершению нападения. «На берегу» были поставлены полки, причем воеводам было дано указание держаться оборонительно и в случае прихода татар в украинные города «за реку не ходить». 13 мая между рек Мжа и Коломака (следовательно, по Муравскому шляху) была замечена сакма, проложенная значительными массами татар. Действительно, татары (50–60 тысяч человек) во главе с царевичами Магмет Гиреем и Али Гиреем приходили на рязанские и каширские места. 22 мая сам Иван IV собирался идти в поход, но, так как 21 мая татары уже уходили из войны, поход не состоялся. От начала сентября поступило несколько сообщений о новом скоплении татар у верховий рек Береки и Тора, между Пслем и Ворсклой (мурза Бакай). Воеводы были посланы в полки и сам царь пошел в Серпухов. Татар ждали под Тулой и Дедиловом. Но татары дошли только до Новосила в числе 6–7 тысяч. В турецких делах есть указание на участие в набеге 1570 года на Русь казыевцев (2000) и азовцев во главе с азовскими воеводами.

В 1571 году большие силы (до 50 тысяч) были поставлены в трех полках по Оке – в Коломне – Кашире – Серпухове. Сам царь ходил к Серпухову. Нападения татар ждали. Сигизмунд-Август призывал Девлет Гирея к решительным действиям, упрекая его в том, что в течение трех последних лет он не причинил великому князю московскому «никакой шкоты», «в земле московской замку ни одного не взял и ему (королю) не отдал», а требует уплаты поминок. В этот год Девлет Гирей осуществил, наконец, большое вторжение, проник через засечную черту, реку Оку, дошел до Москвы в день Вознесенья 24 мая и сжег ее. Одновременно с крымцами в качестве их союзников Большие ногаи совершили нападение на казанские места: Тетюши и Алатырь. Московские гонцы в Крым Севрюк Клавшов и Иван Мясной (1572 год) должны были изображать этот набег ногаев как действие казыевцев, отколовшихся от Большой ногайской орды. Гонцы должны были говорить, что «ногайская орда великая, а люди в ней вольные, где хотят тут и служат». Царь Иван IV послал ногайскому князю Тинехмату «свое гневное слово», и князь Тинехмат и мурза Урус будто бы хотели сыскать нарушителей мира, казнить их и все захваченное вернуть. Из этих объяснений гонцов очевидно, что не только казыевцы, но и Большие ногаи нападали на казанские места.

В 1572 году полки были расположены по Оке в пяти пунктах: Серпухове (большой полк) – Тарусе (правой руки) – Калуге (передовой) – Кашире (сторожевой) – Лопасне (левой руки).

В августе Девлет Гирей повторил вторжение и подошел к Серпухову. Описание этих боев с татарами на Оке опускаем. Девлет Гирей перешел Оку, но встретил упорное сопротивление и был отражен. Русскими был взят в плен знаменитый Дивей-мурза. По-видимому, успешному ходу борьбы с татарами много содействовали солидные укрепления, созданные на большом протяжении по Оке. На этот раз имеются совершенно определенные указания на участие в набеге Больших ногаев. По уверению крымцев, только они разоряли и жгли русские селения. Восстание в Казанской земле, начавшееся, как следует думать, еще в предшествующем году, в 1572 году продолжалось и потребовало посылки значительных войск для его подавления. Осенью этого года «на казанских людей, на луговую и горную черемису» было послано 5 полков. Поход в «черемисские места» продолжался и зимой этого года.

В 1573 году пять полков стояло по Оке и пять полков – против казанских восставших людей – было поставлено в октябре в Елатье (большой и правой руки) – Нижнем – Шуе – на Плесе. В сентябре крымские царевичи приходили на рязанские места. Сначала с ними бились воеводы украинских городов, затем против татар выступили из Серпухова воевода большого полка князь С.Д. Пронский с товарищами, «а ходили до Верды реки, татар не дошли». Казанские люди, узнав о сосредоточении против них крупных сил, государю в Муроме «добили челом» и учинили договор во всем по государеву наказу. Ответом на нападения Больших ногаев было репрессивное разорение московскими ратными людьми Сарайчика. В наказе Б.А. Чихачеву, посланному в Швецию в 1572 году, говорится «о непослушании» части Больших ногаев, о гневе московского государя за это на князя Тинехмата, но ничего не говорится еще о погроме Сарайчика. В наказе князю Сицкому, посланному в Швецию в 1575 году, говорится о разорении Сарайчика, как о факте уже прошлом. Из «вестового списка» гонца Ивана Мясоедова видно, что в 1574 году (в начале года) князь Тинехмат просил у Девлет Гирея помощи против Москвы; он упрекал Девлет Гирея в том, что последний подговорил ногаев к походу против московского государя, «стравил» их с ним, говорил, что он, Девлет Гирей, взял Москву и будто идет сесть на Московское государство; послушав его, в 1572 году ногаи ходили с ним в поход, а когда русские ратные люди разорили Сарайчик и ногайские улусы, он, Девлет Гирей, никакой помощи им не оказал. Отсюда заключаем, что разорение Сарайчика имело место в 1573 году.

В 1574 году крымцы вместе с ногаями осенью совершили набег на рязанскую Украину: «И тое осенью было дело украинским воеводам князю Б. Серебряному с товарищи с крымскими и с ногайскими людьми в Печерниковых дубравах, oprичь новосильских, да мценских, да орельских (орловских) воевод, потому что они в сход не успели». В том же году казанские татары приходили под Нижний. Следовательно, замирение Казанской земли в предшествующем году не было окончательным. В том же году был построен город Кокшайск.

От 1575 года не имеем сведений о татарских набегах.

В 1576 году первоначально сам царь Иван IV и его сын-царевич должны были стоять со всеми людьми в Калуге. Под 15 августа в Разрядной книге записано сообщение А. Веревкина, Я. Прончищева и Ф. Шаха «со всеми атаманы и со всеми черкасы», что они Ислам-Кермень взяли и что Девлет Гирей, собиравшийся было в поход на Русь, с Молочных вод вернулся в Крым, узнав о нахождении Ивана IV с царевичем со всеми силами в Калуге. Получив это сообщение, Иван IV с большими боярами и воеводами ушел в Москву; на берегу были оставлены вторые воеводы. Составлена была новая роспись распределения ратных людей на берегу и в украинских городах: там были оставлены дети боярские, стрельцы, донские казаки, черкасы и «всякие судовые люди». Впрочем, полного спокойствия на южной Украине не было. В сентябре татары приходили к Новгороду-Северскому и на орельские места, а другая их часть – на темниковские места. В связи с этим в сентябре же вновь был пересмотрен распорядок полков «на берегу» (Серпухов и др.). Однако же эта предосторожность не изменила плана «большого немецкого похода» под Кольвань. Сбор ратных людей был назначен в Новгороде к Рождеству. В октябре еще раз возвращались к обсуждению вопроса о движении войск «с берега» в Шацк и к Николе Зарайскому «по крымским вестям», когда можно было ожидать прихода «больших воинских людей». Русские ратные люди пришли под Кольвань 23 января 1577 года, а 23 марта «прочь отошли» (не добившись успеха).

В 1577 году царь Иван IV «устроил берег» (полки были поставлены в Серпухове – Тарусе – Калуге – Коломне – Кашире), 8 июля пошел в Лифляндию. Поход увенчался блестящим успехом. Было захвачено множество городов. Но это, как известно, был последний успех; ряд городов был потерян вскоре же. С тех пор Иван IV переходит к обороне. Осуществлению похода в Лифляндию благоприятствовало состояние дел в Крыму. Крымцы совершали нападение на Польшу. Погиб Казы мурза ногайский. Между сыновьями Девлет Гирея происходит борьба. Сам Девлет Гирей 29 июня умер. Царем в Крыму стал Магмет Гирей. Тем не менее нападения на Русь происходили. Так, Есинеи мурза Дивеев совершил набег на Русь. Нападали и Большие ногаи. Князь Тинехмат не отрицал этих нападений, но лишь старался доказать московским гонцам, что нападавшими были ногаи не из его улусов. Но московские гонцы Иван Грязнов с товарищами от улусных татар узнали, что в 1577 году на масленице сам князь Тинехмат, мурза Урус и другие мурзы посылали своих людей в набег на Русь по запросу крымского царя. Ходили они на алаторские и темниковские места. Урмамет мурза, старший сын князя Тинехмата, сознавался, что он по молодости «дерзнул» и ходил на алаторские места, в чем вину и просил прощения.

В 1578 году мурза Есинеи Дивеев повторил набег. С ним ходило на Русь 6000 казыевцев, 2000 азовцев, 2000 больших ногаев и 2000 ногаев дивеевых. Московский гонец А. Вышеславцев собрал в орде сведения, подтверждавшие участие Больших ногаев в набеге. Он узнал, что в орде все время проживали крымские послы, побуждавшие ногайских мурз к нападениям на Русь. Летом 1578 года «многие ногаи» со своими мурзами ходили под Венев и другие места. В мае 1578 года умер князь Тинехмат и князем в орде стал его брат мурза Урус.

От 1579 года сведений о нападениях татар не имеется. Одной из причин этого было то, что

ногайские мурзы вынуждены были удерживать своих людей от набегов, потому что Иван IV отправил ногойского посла Янтемира с сопровождавшими его татарами в Ливонию на войну и тем связал свободу действий князя Уруса.

В 1580 году Большие ногаи после отпуска Янтемира из Москвы возобновили нападения. В царской грамоте в орду есть краткое указание на то, что «сего лета» ногаи вместе с крымцами и Дивеевыми детьми «неодинова» приходили на московские украины и «многие убытки поделали». Одновременно возобновляется восстание в Казанской земле, несомненно, поддерживавшееся из орды. Гонец П. Девочкин сообщает, что еще зимой 1579 года князь Урус обращался к черемисе с призывом, чтобы она «подымалась» на войну, и сам готовился напасть на мещерские и рязанские места.

В 1581 году нападения ногойских татар приняли большие размеры. Мы узнаем о них из царских грамот, направленных в орду князю Урусу и мурзам Тинбаю и Урмамету. Ногаи перебрались на правую сторону Волги и начали набег на Русь с весны этого года. Из одних только улусов мурзы Тинбая ходило на Русь, по определению царской грамоты, до 8000 человек, а всего в нападениях участвовало до 25000 ногаев. Действовали они вместе с крымцами, азовцами и, очевидно Малыми ногаями. Во главе похода стояли крымские царевичи и известный азовский вож Досмагмет. Из отдельных указаний документов можно заключить, что нападения охватили большую территорию; упоминаются белевские, коломенские и алаторские места. Одновременно происходит восстание в Казанском крае, и московское правительство направляет в Казанскую землю четыре полка. В том же году князь Урус совершил поступок, который долгое время спустя ставился в вину ему и всему его потомству: он распродал московских послов П. Девочкина с товарищами в Бухару и другие страны. Сам он ставил свой поступок в связь с новым погромом казаками Сарайчика: казаки разгромили Сарайчик, живых высекли, а мертвых из земли «выимали» и гробы их разорили. Московское правительство рассматривало погром Сарайчика казаками и разгром ими татар на Волге как казачье «воровство» и отдало распоряжение воров перехватывать и перевешать; было ли осуществлено это распоряжение, неизвестно.

В 1582 году развернулись крупные операции в Казанском крае. Два полка было послано из Казани «по ногойским вестям» на Каму. В апреле полки были посланы по Волге «вплавную», то есть судами, и стояли на Козине острове. В октябре несколько полков было направлено против луговой черемисы. Кроме участия Больших ногаев в Казанском восстании, они, невидимому, нападали на Московскую Украину и в других местах; так: имеются указания на их действия под Новосилем.

В 1583 году продолжается борьба с восстанием в Казанском крае. Снова был совершен поход по Волге. Построен Кузьмодемьянский острог. Составлена роспись полков для зимнего похода.

В 1584 году в январе состоялась посылка пяти полков на луговых черемис: большой и правой руки полки – из Муррома, передовой – из Елатымы, сторожевой – из Юрьевца, левой руки – из Балахны. В то же время Досмагмет-ага и Конкар-ага из Азова приходили в ряжские места.

В 1585 году в октябре воеводы тремя полками ходили воевать луговую черемису. В том же году «в Черемисе» был поставлен новый город Санчурск. Еще позднее воеводы тремя полками ходили из Переяславля-Рязанского в Шацк «по ногойским вестям».

В 1586 году по объяснению крымского царя Ислам Гирея, «мелкие люди, молодые казаки» против его воли нападали на московскую Украину. По русским сведениям, нападение было крупным: в нем участвовало до 30 тысяч татар. В частности: в походе участвовали казыевцы в числе 2000 человек во главе с внуком казыевского князя Якшисата. В 1586 году согласно записи Разрядной книги, в Астрахань был отпущен царевич Мурат Гирей (сын убитого крымского царя

Магмет Гирея, следовательно, племянник Казы Гирея).

В 1587 году весной был произведен набег Досмагметом с 3000 азовцев и Малых ногаев. В июне совершили нападение два крымских царевича (один из них сын Девлет Гирея – Алп Гирей) с 40 тысячами человек. Татары стояли на Плове. В загон были посланы мурза Осман Ширинский, Маамет-Бек, Курмаш-аталык и с ними 7000 человек. По возвращении мурзы Османа из загона татары двинулись обратно. По дороге взяли острог в Крапивне и сожгли посад.

От 1588, 1589 и 1590 годов нет сведений о нападениях татар.

В 1591 году приход Казы Гирея под Москву по соглашению со Швецией.

В 1592 году произошел приход крымских царевичей (один из них Фети Гирей) «безвестно» на тульские, каширские и рязанские места. По заявлениям царевичей, московская уkraine в то время (дело было летом) оказалась совершенно беззащитной, ратных людей по городам не было.

В 1593 году нет точных указаний на нападения татар, кроме заявления дьяка А. Щелкалова крымскому послу князю Магмету Ширинскому в первых числах января 1594 года о допущении беспрестанных нападений азовцев и ногаев Дивеева улуса под Воронеж и Ливны.

В 1594 году в самом начале года московский посол в Крыму князь М. Щербатов получил сведение о набеге Барангазыя-мурзы казыевского и Досмагмета из Азова на алаторские места. В апреле того же года Казы Гирей принес шерт в соблюдении мира и дружбы с Московским государством перед князем М. Щербатовым.

От 1595 года сведений о нападениях татар нет.

В 1596 году около дня Николы вешнего Досмагмет азовский напал на рязские места».

В 1563 году крымский хан, очевидно по приказу из Стамбула, стал требовать от Ивана Грозного возвратить ему Казанское и Астраханское ханства. В том же году турецкий султан Селим II потребовал от Москвы выполнить это требование крымского хана, угрожая открытым нападением. Стороны стали готовиться к войне. Первая встреча-обсуждение похода на Астрахань кафинского паши Касыма и Девлет Гирея состоялась уже в июле 1566 года. Касым докладывал султану: «Взял деи московский государь Азсторохань, а изстари деи Азсторохань была ваши бусурманские веры, а се деи приходят в Азсторохань из многих земель гости торговати водяным путем многие, и казна деи с Азсторохани московскому государю сходит добро великая. И ты б деи Азсторохань за себя взял, и станешь за свою веру, и казна тебе с нее будет великая же». Девлет Гирей писал турецкому султану: «От Царя города в Кизилбаши (Иран. – Авт.) тебе и твоей войне ходит добре далеко и путь не ближний, и в том деи будет твоей рати изрон великой в конех. А отцу деи твоему был шах недруг. И тебе бы деи посылати свою войну в Кизылбаши на Азсторохань, а от Азсторохани деи в Кизылбаши добре ближе, а се водяным путем. Да в Азсторохань же деи приходят из Кизылбаши гости, а опричь деи Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговых людям не будет. И тебе бы деи Азсторохань за себя взята, и Кизылбаш деи будет за тобой на борзе. Тебе возьму Азсторохань одного году, да и Казань твоя же будет. А не возьму деи яз Азсторохани, и ты деи меня тогда не жалуй». Однако турецкий султан Сулейман отказался от этого плана – «московский деи государь силен ратью своею и мне де с ним не за что воеватца».

Русский историк А.А. Новосельский в своей книге «О борьбе Московского государства с татарами в XVII веке», вышедшей в Москве в 1948 году, писал:

«Бросаются в глаза колебания и как бы непоследовательность в поведении крымского царя. Для того, чтобы понять его поведение, надо отрешиться от обычных представлений о нем, как о властном правителе, «железной рукою» направлявшем воинственную крымскую политику. Уже в 1568 году московский гонец Истома Осорьин сообщал в Москву о тяжелых старческих немощах, одолевавших царя: «Из него черева выходят и на коне ему временем сидети немочно,

а и на отпуске царь лежал облокоти», – писал гонец. Девлет Гирей с трудом и большой неохотой поднимался в походы, а предпринимая их, вовсе не обнаруживал энергии. Свой знаменитый поход 1571 года Девлет Гирей первоначально думал совершить на козельские места и лишь под влиянием русских перебежчиков двинулся за Оку на Москву. Девлет Гирею было неприятно вмешательство турок и их возможное утверждение в Астрахани. Он опасался также за свое личное положение в Крыму, опасался смены на престоле; эти опасения имели серьезные основания, потому что в Крыму была против него сильная оппозиция, требовавшая от султана его замены. В собственной семье царя начинались раздоры, которые он с большими усилиями преодолевал.

Из сообщений русских дипломатических источников совершенно очевидно расхождение Девлет Гирея в вопросе о направлении крымской внешней политики с мнением большинства ближних людей, князей и мурз, членами собственной семьи и турецким правительством. Девлет Гирей считал для себя более выгодным оставаться в стороне и воздерживаться от вмешательства в войну; он высказывал сомнение в возможности победы Ивана IV над Польшей и не хотел бы помогать ни польскому королю, ни Ивану IV. Пользуясь выгодной ситуацией, созданной Ливонской войной, Девлет Гирей рассчитывал не без основания на получение от того и другого государя увеличенных поминок. Девлет Гирей выражал готовность на этих условиях заключить мирное соглашение с царем Иваном.

Однако личные взгляды Девлет Гирея не определяли крымской политики. Крымские феодалы и турецкое правительство навязали ему план войны с Московским государством. Вынужденный принять этот план, Девлет Гирей в своих грамотах к Ивану IV требует уступки Астрахани и Казани, но не скрывает при этом, что сам он желал бы мира с московским государем. Так, в октябре 1568 года, принимая русского посла Афанасия Нагого, Девлет Гирей говорил, что поссорившись с царем Иваном, он мог бы с ним и помириться, да мешает то, что на войну «поднимается человек тяжелый, турецкой царь, да и все деи бусурманские государства на государя вашего подымаются, а того не хотят, чтоб государь ваш поймал бусурманские юрты». Не имея возможности открыто противодействовать организации похода турок под Астрахань, Девлет Гирей, как известно, сделал все от него зависевшее, чтобы помешать успеху похода. В 1569 году он решительно отказался принять на себя ответственность и руководство походом, отказался возложить на своих татар обязанность штурма Астрахани. Когда поход потерпел неудачу, Девлет Гирей слышать не хотел о его повторении в 1570 году».

Грамоты от Девлет Гирея с требованием возврата (!) ему Казани и Астрахани, оставляемые русским правительством без удовлетворения, приходили в течение четырех лет, но боевые действия начались только в 1569 году. Во второй половине XVI века российские границы все ближе и ближе подходили к Черному морю. Вот здесь и произошло первое столкновение России и Турции, чьи интересы затрагивала русская народная и правительственная колонизация «Дикого поля».

Глава 4. Накануне. Русско-турецкая война 1569 года.

Нашествие Девлет Гирея 1571 года

В конце 60-х годов XVI века была организована антирусская коалиция из Турции, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и Швеции. Россия должна была быть атакована с запада, юга и востока. Первый приказ турецкого султана о подготовке похода на Астрахань Девлет Гирей получил в сентябре 1563 года. Русский посол в Крыму Афанасий Нагой имел все интересующие Россию сведения от своей сети конфиденентов на Крымском полуострове и в Северном Причерноморье. Один из командиров янычар при крымском хане Девлет Гирее постоянно информировал Нагого о планах султана. Посол писал Ивану Грозному: «А большая государь Турскому досада на тебя то: которые бусурманы ис тюрмен и ис Крым – Шевкалов и из иных государств пойдут на Астрахань к Бахмееву гробу, и твои де государевы воеводы в Астрахани их не пропускают. То де Турскому на тебя государя и большая досада.

А на Переволоке велел салтан город поставити, а другой город велел поставити противу Переволоки на Волге. И меж тут дву городов велел Переволоку копати и воду пропустити, чтоб как мочно тем местом наряд вести. А пришед к Астрахани и там бы третий город поставити и Астрахань в салтанове воле учинити».

Русский историк И.И. Смирнов в «Очерках политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века», вышедших в Москве в 1958 году, писал:

«Присоединение к Русскому государству Казани и Астрахани прежде всего было чрезвычайно болезненно воспринято в Турции, и не только потому, что население этих ханств было мусульманским.

Держать Русское государство в окружении своих вассалов представлялось крайне заманчивым для султанской Турции в период ее наивысшего военного расцвета в XVI веке. Вот почему султан и решил путем вооруженной силы вытеснить русских с устья Волги. Таким путем он мог нанести удар сразу двум государствам: России и Ирану. Ведь в планы султана входило не только завоевание Поволжья, но и изоляция Ирана от России путем окружения империи Сефевидов со стороны Северного Кавказа и Астрахани. С военной точки зрения Астрахань, как место удара, была выбрана совершенно правильно.

Напрасно некоторые историки упрекают турецкое командование в том, что оно якобы не учло природных условий, – степных пространств и оторванность этого фронта от центральных районов Турции. Примеры из военной истории Турции говорят о том, что турецкая армия того времени умела с успехом воевать в подобных условиях. В период 1565–1568 годов турецкие войска после упорной борьбы оккупировали далекий Йемен. В 1575 году турки положили не меньше трудов на борьбу с Тунисом и Марокко, которые окончательно перешли под протекторат Османской империи. Наконец, войны с Ираном в 1554–1559 и 1587–1590 годов, когда турецкие войска доходили до Тавриза и до Каспийского моря, по трудности ни в чем не уступают астраханской экспедиции.

Некоторые указывают на то, что турецкое командование не заготовило достаточного количества провианта, в результате чего войска под стенами Астрахани испытывали голод. Но ведь турецкое командование никогда не проявляло особенной заботы о своих солдатах и их довольствии, всецело полагаясь на инициативу мелких начальников и самих солдат. Что же касается боеприпасов, то они в достаточном количестве были сосредоточены в Азове. Лучше всего о их наличии свидетельствует взрыв пороховых складов и пожар Азова во время астраханской войны. Быть может, турецкое командование само приказало взорвать запасы

боеприпасов, опасаясь захвата русскими Азова, или же для того, чтобы исключить возможность вторичного похода на Астрахань. Но это уже особый вопрос. Для организации и тщательной подготовки этой войны турецкое командование сделало гораздо больше, чем от него можно было ожидать. К войне готовились несколько лет и заранее свозили в Азов не только снаряжение и людей, но и продовольствие. Русский гонец Новосильцов в своем донесении от 1570 года из Азова сообщает об отправке в Кафу после турецкого поражения нескольких кораблей, груженных мукой, привезенной сюда для турецких войск, о складе лопат, топоров и мотыг, оставшихся после похода и т. д.

Турецкий историк Печеви утверждает, что дефтердар черкес Касым-бей был назначен губернатором Кафы для того, чтобы подготовить астраханский поход. И лишь после того, как он донес, что хотя это дело и трудное, но при божьей помощи исполнимое, поход был назначен.

Таким образом, с организационной стороны не было никаких особенных промахов, которые могли бы послужить причиной неудачи этой войны.

Вряд ли можно предполагать, что турецкое командование наделало в этой войне больше ошибок, чем в предыдущих и последующих войнах. В составе довольно многочисленной по тем временам турецко-крымской армии была отборная турецкая кавалерия спагов, было несколько тысяч лучшей не только в Турции, но и в Европе, хорошо вооруженной пехоты – янычар, наконец, была очень подвижная крымская конница, которая только по вооружению значительно уступала туркам. В качестве оружия крымский рядовой воин даже не всегда имел лук со стрелами. Чаще, всего он был вооружен лошадиной костью, которую носил, как шашку, на левом боку.

Вопреки обычному своему военному правилу использовать в широких размерах артиллерию, турки на этот раз очутились под Астраханью с небольшим количеством полевых пушек. Это объясняется тем, что тяжелая осадная артиллерия, шедшая Доном, не смогла быть переправлена на Волгу, а о сооружении канала турецкое командование не могло даже мечтать, хотя бы по недостатку времени.

Вряд ли астраханский гарнизон был лучше вооружен и имел многочисленную артиллерию. Вообще следует признать, что соотношение сил в этой войне было в пользу турок.

И все же они потерпели поражение, вынуждены были отступить, нарушив приказ султана о зимовке под Астраханью».

В апреле 1568 года русский посол в Крымском ханстве Афанасий Нагой – незаурядный дипломат, имевший серьезную разведывательную сеть на полуострове, сообщил в Москву, что 3 апреля крымский хан получил султанскую грамоту, присланную с Мегмет-чаушем, с приказанием хану и царевичам идти в поход на Астрахань. Вместе с крымским ханом в поход должен был идти кафинский паша Касым с янычарами и артиллерией. Астраханским ханом был назначен Крым Гирей. Турция прекратила войну с Польшей, Германией и Ираном. Большой совет – диван – Крымского ханства отложил поход. Девлет Гирей написал султану, что вторжение неподготовлено и запоздало – нет запасов, а турки не перенесут морозов. Началась подготовка к завоеванию Астраханского ханства. 10 июля русские послы Нагой и Писемский под усиленной охраной были переведены в Мангупскую крепость – «для бережения великого». 20 июля 1568 года в Кафу пришли из Стамбула три корабля во главе с Касымом, доставившие турецких судовых мастеров, которые должны были готовить морские суда для астраханского похода, саперов, а также 50 пушек и порох. В августе на совместном турецко-татарском совете был разработан план вторжения в Астрахань. Осаду города, доносил А. Нагой, должны были вести турки паши Касыма под охраной татар: «а татарове де не городоемцы и города ставить не умеют. Я (Девлет Гирей. – *Авт.*) сижу на коне и тебя берегу. А придут на тебя люди и яз с ними бьюсь и тебя обороняю». Девлет Гирей не хотел участвовать в походе, боясь усиления турецкого

влияния в Северном Причерноморье, и после совещания отправил в Москву посла Икинчея предупредить Ивана Грозного о готовящемся вторжении весной 1569 года. Одновременно хан потребовал назначить астраханским ханом касимовского царевича – и тогда похода не будет. 21 октября к Афанасию Нагому прибыл татарский князь Сулешев, сообщив ему, что крымский хан идет на Астрахань только по приказу султана, он не хочет, чтобы турецкие войска проходя по крымско-татарским землям, разоряли их. Девлет Гирей также боялся, что во время его отсутствия султан назначит нового хана. Однако в русских архивах также сохранились свидетельства русского посла Новосильцева, в конце 1569 года побывавшего в Стамбуле, в которых он сообщал, что именно крымский хан настаивал турецкого султана осуществить астраханский поход.

Российское правительство, подробно осведомленное о готовящемся походе, предложило Турции через крымского хана мирные переговоры. Иван Грозный писал в грамоте к Девлет Гирею: «Салтану следовало рать зачинати, коли б от нас ему какая недружба дошла. Салтану турецкому пригоже с нами обослатись и на нас проведати, какая ему недружба от нас дошла. И коли еалтанов у нас посланник будет и мы с ним о всем переговорим. И те речи все ведомые будут за что промежи нами нынеча недружба чинитца. И мы толпы поговоря с салтаном с турецким и с тобою братом нашим в дружбе будем, как будей пригоже». Одновременно с этим, для предупреждения выступления Больших ногаев на стороне турок весной 1568 года к ним был послан посол Семен Мальцов. К естественному союзнику Ирану в мае 1569 года было отправлено посольство с предложением союза против Турции. В Иран послали 300 орудий, 4 тысячи ружей и 500 стрельцов для обучения персов «огненному бою». В ожидании нападения на Астрахань были отложены походы в Литву и Лифляндию. Астраханская крепость укреплялась, увеличился ее гарнизон. На Волге в районе Нижнего Новгорода сосредотачивались русские войска под началом двоюродного брата царя Владимира Андреевича, П. Морозова, П. Серебряного и З. Сабурова.

В марте 1569 года в Кафу начали приходить турецкие корабли с янычарами. Начало вторжения было назначено на 26 апреля. Однако начало похода было отложено – турецкий султан изменил план войны, который теперь предусматривал одновременное двустороннее наступление на Россию – через Азов на Астрахань и юго-восточные земли, и через Польшу – на западные российские территории. К польскому королю Сигизмунду был отправлен турецкий посол Ибрагим Страта с просьбой султана пропустить через польские земли турецкие войска для нападения на Россию. Сигизмунд отказал, и султан приказал своим войскам из Кафы и Азова идти на Астрахань. 31 мая 1569 года турки двинулись из Кафы на 220 судах и 400 телегах. Часть янычар во главе с Касымом, пошли сухопутным путем. В разгаре была Ливонская война. В это же время в войну с Россией вступила Швеция и Речь Посполитая, объединившиеся в одно государство Польша и Литва. С большим трудом от войны с Россией удалось удержать Данию, организовав в Ливонии зависимое от Москвы королевство во главе с братом датского короля Магнусом. Турецкий султан, уверенный в победе своего пятнадцатитысячного янычарского корпуса над русскими войсками, разрешил своим воинам, участвующим в походе, брать деньги в долг за счет продажи пленных, которых намеревались набрать в Астрахани. Война 1569 года была первым военным столкновением русских и турецких войск. Главной задачей турецко-татарского похода 1569 года было выкопать канал на Переволоке, соединив воды Волги и Дона, по которому в Волгу вошел бы турецкий флот, с помощью которого турки и татары смогли бы захватить Астрахань и низовья Волги, организовав плацдарм для дальнейшего завоевания России.

Турецко-татарское войско двинулось от Азова по берегу Дона. Рекой везли артиллерию, боеприпасы и продовольствие. Русский посол Семен Мальцов, захваченный турками и

проведший с ними весь Астраханский поход, писал: А шли Доном турки с великим страхом, живот свой отчаяли. И где, государь, были мели и они пушки на берег возили, да суды волочили. И которые были на каторгах янычары христиане греки и волошане и они тайные дела мне сказывали. А тому дивились, что государских людей на Дону и казаков не было. Только б деи такими тесными реками турки ходили по фряской и по можарской земле, и они б всех побили. Хотя б деи было казаков две тысячи и они б нас руками поймали, такие на Дону крепости. А казаки ваши Дон покинули. Такое им богатство где еще видети? Только бы на наши каторги на Дону казаки пришли, а у нас у христьян у многих мысль – хотим ко государю вашему». У переволоки Дона (в районе современного Волго-Донского канала) турки, соединившись в конце июля с 50-тысячным войском Девлет Гирея, в течение двух недель строили волоки и колеса для перевозки судов в Волгу, однако перевести корабли в Волгу так и не удалось – «пытались копать и каторги волоčiti, но сил не было копать», а колеса постоянно ломались. Источники говорят о нападении на турок и татар на Переволоке отряда князя Серебряного, сильно потрепавшего янычар. Среди них возникли волнения и 5000 султанских воинов во главе с Капудан-пашой по Дону вернулись в Азов, забрав с собой все тяжелые вещи, «наряд», запасы и казну. Источники свидетельствуют, что при отступлении за турецким отрядом гнались донские казаки в маленьких лодках, вмещающих по 10 десять человек, которые несколько раз вступали в бой с арьергардом турок.

2 сентября основная часть турецко-татарского войска пошла к Астрахани – без осадной артиллерии и припасов. Крымский хан не хотел усиления турецкого присутствия на исконных татарских землях и к Астрахани янычары и татары долго двигались по безводным степям и пришли совершенно измученными в середине сентября, без припасов. В пути погибло более 10000 турок.

Посол Ватикана в России, иезуит Антонио Поссевино в своем сочинении «Московия», изданном в Вильне в 1586 году, писал, что крымские татары «были недовольны тем, что турки, как они полагали, готовят им более тяжкое ярмо. Поэтому, предложив себя в проводники турецкому войску, они повели его окружной дорогой по бесконечным лесам и местам, лишенным продовольствия, так что оно почти все погибло от голода и трудностей пути».

На месте старой Астрахани турками был построен военный городок. Турецкие инженеры попытались сделать подкоп под стены крепости для закладки пороха, но не смогли этого сделать из-за близкого залегания грунтовых вод. С Другой стороне к Астрахани по суше и Волге на стругах и ладьях подошло московское войско воеводы князя Петра Серебряного. Поддержанные артиллерийским огнем со стен Астрахани, русские войска, основательно потрепав противника, прошли в крепость.

Командующий турецкой армией Касым-паша принял решение зимовать под Астраханью. Девлет Гирей должен был зимовать в Крыму. Однако, простояв 10 дней у Астрахани, янычары не захотели ни сражаться, ни зимовать – «Нам зимовать немочно, мы помрем с голоду! Государь наш всякой запас нам дал на три года, а ты нам из Азова велел взять на 40 дней корму! А Астраханским людям нас прокормити немочно, то ты ведаешь!»

Сохранилось свидетельство агентов английской «Московской компании» – «общества купцов-предпринимателей», имевшего по хартии 1555 года, подписанной королевой Великобритании Марией, исключительное право торговли с Россией – Томаса Бэнистера и Джеффри Дэкета, отправившихся в 1568 году из Англии в Персию через территорию России: «В Астрахань они приехали 20 августа. В городе Астрахани их путешествие несколько задержалось; они пробыли там 6 недель вследствие того, что к Астрахани, по внушению великого Турка, подступило большое войско, состоявшее из 70000 турок и татар, в надежде захватить город внезапным нападением, или взять его продолжительной осадой. Однако, в

конце концов, с приближением зимы, а также вследствие известий, что русский царь снаряжает большую экспедицию для защиты Астрахани, они должны были снять осаду и уйти ни с чем.

Астрахань – самая отдаленная крепость, которую русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной, и ежегодно посылает туда людей, припасы и лес для постройки и замка. Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами. Главнейшие товары, привозимые суда русскими, – сырые кожи, сырые овечьи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и другая мелочь, а также хлеб, свинина и другие съестные припасы. Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи, привозят сюда шелковые нитки, которые более всего употребляются в России, материи, различные сорта пестрых шелков для поясов, кольчуги, луки, мечи, и т. п. вещи, а в иные годы привозят хлеб и грецкие орехи».

26 сентября турецкая армия отправилась домой, уничтожив свой военный городок и пригороды Астрахани, в 60-ти километрах от Астрахани, на Белом озере, к войску прибыл чауш турецкого султана Ахмет-паша с приказом о зимовке у Астрахани. Турки не подчинились приказу султана и через месяц по кабардинской дороге вернулись в Азов, потеряв часть войска, умершего с голоду по дороге домой. В Азове, в котором 30 сентября произошел сильнейший взрыв порохового погреба, от которого город был полностью разрушен, турок никто не ждал. Афанасий Нагой доносил в Москву: «у города рухнули стены и наряд и запасы и суда сгорели. И, говорят, что зажгли город русские люди».

«Если бы против нас русские выступили, то ни одному назад не возвратиться, все пропали бы» – после этого похода янычары стали называть султана Селима II «несчастливым».

В русских архивах сохранились документы о Астраханской войне 1569 года – донесения за 1570 год из Азова, Кафы и Константинополя от гонца Новосильцова, донесения от русского посла в Крыму Афанасия Нагого, «Список Семеновых речей Мальцева, каков дал в Крыму Офонасью Нагово с товарищи лета 7078 (1570 год), ноября в 21 день», «Книга о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань».

Гонец Иван Новосильцов, выехавший из Москвы 24 января 1570 года и имевший задание «в Азове у людей турецких и крымских проведать о том, куда турецкие войска пошли от Астрахани, остались ли они в Азове или нет и много ли их там было, сколько было пушек и сколько людей погибло при осаде?», первое донесение из Азова в Москву отправил в начале марта.

К приходу Новосильцева остатки турецких войск из Азова через Кафу были отправлены в Стамбул. Город спешно укреплялся, ждали прихода русских войск. Азов был переведен на военное положение. Количество турецко-татарских войск, участвующих в походе на Астрахань, составляло, по донесению, 80000 человек. В живых же после Астраханской экспедиции осталось не более 25000 турок, большая часть которых утонула во время шторма при перевозке в Стамбул, в который вернулось около тысячи человек. Крымские войска, привычные к подобным походам, потерь практически не понесли.

Русский историк И.И. Смирнов писал:

«За поражение под Астраханью Селим II приказал отравить крымского хана и турецкого командующего Касым-бея, но благодаря ходатайству сестры султана и, самое главное, благодаря золоту, им удалось отвести от себя удар. Мальцов прямо говорит, что Касым занял у заведующего кафинской таможней для отправки в столицу 100 тысяч золотых.

С потерей Астрахани турки примирились не сразу.

Возвращающийся в 1571 году из своей поездки в Константинополь Иван Новосильцов слышал в Азове о якобы имевшем место сговоре между крымским ханом и ногайскими мурзами

по поводу нового похода на Астрахань зимою, по льду. Астрахань – это самая дальняя точка в Восточной Европе, где были турецкие войска. Астраханский поход показал всю несостоятельность турецкой завоевательной политики на устье Волги. Московское государство имело достаточно сил, чтобы ответить ударом на удар даже в таком отдаленном углу, каким являлась Астрахань.

Интересно отметить, что весть об астраханской неудаче турок очень скоро дошла до Западной Европы. Уже Новосильцов, прибывший в Константинополь в 1570 году, сообщал в Москву: «Да про астраханский поход во фрянские города весть пришла, что Астрахани не взяли, и людем учинился великий изрон. И фрянки деи о том возрадовались и меж себя учили говорить: государь деи Московский великой, и кому деи против его стояти! А от неверных его бог обороняет».

Война 1569 года с Турцией никак не входила в планы Ивана IV. В это время он целиком был поглощен своими западными делами, в частности ливонским вопросом. После первой же удачи в Астрахани Иван IV решил прекратить эту войну. Вот почему ни о каком преследовании турок и нападении на Азов и, тем более, на Кафу русские в то время не мечтали. Наоборот, еще в 1569 году Россия явно искала случая примириться с Турцией, спешила напомнить ей об извечной дружбе, которая не должна нарушаться из-за далеких и чуждых Турции Казани и Астрахани.

Водворение московских людей в Астрахани турецкое правительство рассматривало как непосредственную угрозу всем своим планам продвижения на восток с целью захвата устья Волги и изоляции Ирана.

Крупная неудача под Астраханью показала туркам, что открыто бороться за устье Волги они не могут и не имеют для этого ни достаточного количества сил, ни возможностей.

Астраханский поход султан объяснял тем, что Астрахань искони его, султанская, была и имеет одну с ним веру, но, как видно, теперь «бог твоему величеству (Ивану IV. – *Авт.*) Астрахань поручил».

Поход завершился неудачей по многим причинам, главными из которых были естественные трудности, отдаленность от баз снабжения и скрытое сопротивление туркам, оказываемое крымским ханом Девлет Гиреем, опасавшимся их усиления. «А турецкие деи люди меж собой говорили: однолично деи московские люди пришед, Азов и Кафу возьмут», – доносил Новосильцов.

Г.Д. Бурдей в книге «Русско-турецкая война 1569 года», вышедшей в Саратове в 1962 году, писал:

«Первая русско-турецкая война закончилась провалом захватнических планов турецкой империи и полным поражением турецко-крымской армии. Расчет Турции и Крыма использовать затруднения Русского государства был сорван. Несмотря на крайне тяжелую обстановку и сосредоточение значительных турецко-крымских сил против Астрахани, Русское государство нашло достаточно сил для разгрома турок и татар даже в таком отдаленном пункте. Астрахань и устье Волги остались русскими.

В турецкой историографии истинные причины провала турецко-крымского похода замалчиваются, скрываются, вместо них выдвигаются ссылки на неблагоприятные природные условия и оппозицию крымского хана. Отношение хана к плану султана нам уже известно и понятно и оно должно приниматься во внимание. Неудачи похода, обозначившиеся с самого его начала и нараставшие в связи с русским сопротивлением, вызвали резкое недовольство турецкого войска и усиливали разложение грабительской армии. Есть известие о том, что одной из причин поражения турок была коррупция, разъедавшая государственный аппарат и армию турецкого военно-феодалного государства. Венецианский байл в Константинополе Марк

Антонио Барбаро писал, что коррупция приносит Турции большой вред, об этом говорит, например, опыт Астраханской и Кипрской войн, в которых произошло много беспорядков, вследствие существовавшей между пашами розни, и было вскрыто много злоупотреблений. Так, известно, что Пиале-паша был лишен адмиральского звания, хотя вскоре и был восстановлен. Неудачу похода нельзя объяснить только трудностями его организации и обострением противоречий между турецкими и крымскими феодалами.

Турки и татары потерпели поражение, а Русское централизованное государство одержало победу прежде всего в результате успешных активных действий русских войск и казаков, высоких боевых качеств русской армии, заранее разработанного и осуществленного комплекса дипломатических и военных мероприятий, включавшего знание планов врага, укрепление обороны юго-восточных окраин, усиление позиций в Поволжье, главным образом в Астрахани. Обычно первым крупным проявлением начавшегося упадка Османской империи считается разгром турецкого флота в битве при Лепанто в 1571 году. В определенной мере об этом свидетельствует и поражение Турции в войне против России в 1569 году.

За русско-турецкой войной с огромным вниманием следил политический мир Европы и Азии. Как видно из источников, о войне и ее результатах знали в Польско-Литовском государстве, Кавказе, в итальянских государствах, во Франции, Англии, Иране, Священной Римской империи, Сербии, Дании, не говоря уже о тех, кто в той или иной степени принимал участие в войне или имел к ней отношение (Ногайская орда, Молдавия, Валахия)».

С идеей турецкого расширения на север было временно покончено.

В мае 1571 года объединенное татарско-турецкое войско вторглось на российскую землю. Девлет Гирей собрал более 50000 воинов и перешел границу Московского государства у Северного Донца. Сохранилось свидетельство Ивана Грозного польскому послу: «Татар было 40000, а моих только 6000, равно ли это?» У Молочных Вод к хану доставили перебежчика – галицкого сына боярского Башуя Сумарокова, бежавшего в Азов. Он показал: «На Москве и во всех городех по два года была меженина Великая и мор великой и межениною, де, и мором воинские многие люди и чернь вымерли, а иных, де, многих людей государь казнил в своей опале, а государь, де, живет в Слободе, а воинские, де, люди в немцах. И против, де, тебя в собранье людей нет».

16 мая Иван Грозный с опричным войском двинулся в Серпухов на помощь опричным полкам. Войско было небольшим, людей хватило только на три полка – сторожевой полк боярина В.П. Яковлева, передовой полк князя М.Т. Черкасского и «государев полк с первым дворовым воеводою» князем Ф.М. Трубецким. Во главе всех русских земских и опричных полков, расставленных на Оке и в заочких городах, Иван Грозный поставил своего шурина опричника князя Михаила Темрюковича Черкасского и опричника князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского. Черкасский руководил всеми передвижениями русских войск.

В нашествии Девлет Гирейя принимали участие нагайские мурзы и кабардинские князья во главе с отцом князя Михаила – Темрюком Айдаровичем Черкасским. В конце мая войско Девлет Гирейя прошло на Москву, не форсируя глубоководную Оку, а двигалось на заокско-брянские земли и, переправившись через мелкую Угру в районе Кром, вышло к Москве, разгромив под Тулой опричный отряд Я.Ф. Вольнского.

Царь, намереваясь принять участие в военных действиях, приехал в Серпухов, где находился большой полк вместе с князем Михаилом Черкасским. В самый решительный момент, когда крымские татары переправлялись через Оку, безвестно исчез главнокомандующий русского войска – князь Михаил Черкасский, что вызвало замешательство в русских полках.

Английский посол в России в царствование Федора Иоанновича Джильс Флетчер писал: «В

1571 году они (татары. – *Авт.*) дошли до Москвы с 200000-ным войском, без всякого боя, или сопротивления, оттого что тогдашний русский царь Иван Васильевич, выступивший против них со своею армиею, сбился с дороги, но, как полагают, с намерением, не смея вступить в битву, потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам».

Стодвадцатитысячное войско Девлет Гирея 23 мая подступило к Москве следом за русским войском, укрывшимся в Земляном городе. Опричные полки встали в своих кварталах за Неглинной, передовой полк укрепился на Таганском лугу, прикрывая подступи к Москве со стороны села Коломенского и рязанской дороги, полк правой руки защищал Крымский вал и Калужские ворота, большой полк встал на Большой Варламовской улице со стороны серпуховской дороги. Татары, подошедшие к столице со стороны Коломенского, 24 мая зажгли московские предместья и город выгорел весь, кроме Кремля. Множество воинов и жителей столицы и округи погибли при пожаре, задохнувшись. Добычи было много и «крымские люди» ушли домой по рязанской дороге с громадным количеством пленных. На обратном пути татарами было разорено 36 русских городов. По окончании нашествия Москву очищали от обломков в течение двух месяцев. Боеспособные русские войска во главе с Михаилом Воротыньским попытались организовать преследование – «за царем ходили».

Пока Девлет Гирей жег Москву, Иван Грозный в панике бросился из Серпухова в Коломну, а затем в сопровождении небольшого отряда преданных людей через Александрову слободу, Переяславль, Ростов, Ярославль и Вологду уехал на север страны – Белоозеро, под защиту каменной крепости Кириллова монастыря, за что позже получил от Андрея Курбского прозвище «бегуна и хороняки». В середине июня царь вернулся из Белоозера в Александрову слободу и начал следствие об обстоятельствах и виновниках происшедшей катастрофы. Следственное дело не сохранилось. Известно, что из десяти земских воевод ни один не подвергся опале, а из шести опричных воевод трое были признаны виновными и казнены – князь Темкин-Ростовский, боярин Иван Петрович Яковлев и Петр Васильевич Зайцев.

17 июня Иван Грозный написал Девлет Гирею, что готов отдать ему Астрахань с условием заключения военного союза Московского государства и Крымского ханства. Девлет Гирей после консультаций с турецким визирем счел уступки России недостаточными, и не согласился с царем. Именно после сожжения Москвы Крымское ханство и Османская империя решили осуществить полный военный разгром Московского государства.

Опричник Генрих Штаден писал о событиях 1571 года:

«Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустели. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда. Так велика была беда, что земский поглядывал только – куда бы убежать. Об этой «игре» узнал крымский царь и пошел к Москве с Темрюком князем из Черкасской земли – свойственником великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми – опричниками – убежал в незащищенный город Ростов.

Поначалу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор великого князя – Коломенское в одной миле от города. Все, кто жил вне города в окрестных слободах, – все бежали и укрылись в одном месте; духовные из монастырей, миряне, опричники и земские.

На другой день крымский хан поджег земляной город – целиком все предместье; в нем было много монастырей и церквей. За шесть часов выгорели начисто и город, и Кремль, и Опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать!

В живых не осталось и трехсот боеспособных людей. Колокола у храма и колоколья, на которой они висели, упали, и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями.

Храм, вместе с украшениями и иконами, был снаружи и изнутри спален огнем, колокольни тоже. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посередине Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул.

Башни или цитадели, где лежало зелье, взорвались от пожара – с теми, кто был в погребах; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине. Одним словом, беда, постигшая Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе представить!

Татарский хан приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченный стоял по селам великого князя. Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и бесчисленным числом полонянников и положил впусте у великого князя всю Рязанскую землю».

Известны и другие исторические документы о набеге Девлет Гирея на Москву в 1571 году. «Известие из Польши от 4 июля 1571 года о набеге крымского хана Девлет Гирея на Москву.

Татары, собрав многочисленное войско из четырех орд, сделали набег на Московию и в самый день Вознесения Господня истребили под крепостью, называемой Калуга, громадное число Москов, выступивших навстречу им под предводительством Ивана Бельского.

Затем они устремились к самой Москве, столице всей страны, и найдя ее покинутой государем-тираном, несколько ранее бежавшим в крепость Белоозерскую, и незащищенной, по прошествии трех дней подожгли Москву сразу в тридцати местах и сожгли, так что в один день погубили много тысяч людей и в огне и в воде, куда они, несчастные, бросались полуобгоревшими; остальных и невероятную массу скота погнали за собой домой.

Воевода русских пишет господину вице-канцлеру, что смешанная толпа несчастных людей, которых татары гонят с собой, как скот, в ужасное рабство, доходит до 150 тысяч.

Бесчисленное множество людей обоего пола и всякого возраста перерезано, погибло в огне и утонуло во рвах и Москве-реке.

Прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенным Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили территорию около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч людей того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они, татары, дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, их увести; что Московит удалился в Александровскую слободу, отстоящую на 18 германских миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте».

«Письмо неизвестного англичанина о сожжении Москвы крымским ханом Давлет Гиреем в 1571 году.

12 мая 1571 года в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то сказанные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел.

Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах.

На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны огня, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасения через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены.

Большое число людей сгорело в погребах и церквях.

Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество, трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю бога не видеть впредь подобного зрелища.

В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы».

Московское государство, раздираемое опричниной, не могло оказать достойный отпор нашествию» и крымский хан решил стать вторым Батыем. После сожжения Москвы в 1571 году Девлет Гирей надеялся захватить и отделить от Московского царства среднее и нижнее Поволжье, забрать бывшие Казанское и Астраханские ханства и восстановить зависимость Москвы от татар, теперь уже крымских. В декабре 1571 года, перед вторым походом Девлет Гирея на Москву, Иван Грозный был уже в Новгороде, где и решил отсидеться. В начале февраля 1572 года в Новгород прибыли обозы с царской казной в лубяных коробах на 450 санях. Казну поместили в подвалы церкви Чудотворца Николая, Пятницы и Жен-мироносиц под круглосуточной охраной стрельцов – «на всякую мощь по 500 человек в смену». Обычной нормой нагрузки подводы было летом – 20 пудов, зимой – 25 пудов. Общий вес доставленной в Новгород казны составлял около 10000 пудов. Потом царь направился в Москву на разряд полков и назначение воевод для отражения предстоящего нападения татар. Главным воеводой русского войска был назначен Михаил Иванович Воротынский. Воротынский начал службу в 1543 году и принимал участие во всех походах своего времени. Он дважды ходил под Казань и в 1552 году отличился при осаде и взятии Казани. Его хорошо знали и боялись татары. В 1562 году со своим братом Александром Михаил Воротынский подвергся опале и был сослан с женой на Белоозеро в тюрьму. В апреле 1566 года он был помилован и опять получил чин боярина и вотчину.

В конце мая 1572 года царь выехал из Москвы в Новгород. Там, в преддверии сражения, томясь, он написал завещание – духовную грамоту.

Глава 5. 1572 год. Молодинская битва

Из Москвы на юг вели четыре дороги. Главной была дорога на Серпухов, называвшаяся Крымской дорогой – кратчайший путь в Крым. У селения Подол – нынешнего Подольска, Крымская дорога пересекала реку Пахру и шла через погост Воскресения на Молодях к первому яму, находившемуся у реки Лопасни. Расстояние между ямами было 35–40 верст, что составляло один обычный перегон ямской гоньбы, не требовавшей смены лошадей. Через Рязань на Дон ездили по Каширской и Коломенской дорогам. Основными населенными пунктами в подмосковных землях были городки, погосты, села и деревни. Городки обычно укреплялись земляным валом и частоколом. В них в случае опасности отсиживалось большинство местного населения, жившего рядом в мелких поселках. Название «погост» произошло от слова «гость» – так называли приезжавших издалека купцов, контролировавших почти всю торговлю, носившую в XVI веке сезонный характер. Погостами назывались места, в которых несколько раз в год проходили торжища. В погостах обычно строили церкви и они становились церковными приходами, собиравшими во время службы окрестное население. В средневековье в них часто останавливались князья, собиравшие дань и творившие суд. К XVI веку погосты уже не имели большого торгового и административного значения, они исчезали или превращались в большие села.

В конце 70-х годов XVI века была закончена создание сплошной «засечной черты», объезд которой в 1566 году совершил Иван Грозный. Главной частью засечной черты были лесные завалы – засеки, делавшиеся не на опушке, а в глубине лесного массива. Деревья рубили на высоте от полутора до двух метров и валили вершинами на юг. Высокие пни скрепляли завал и мешали разбирать его. Ширина завала делалась от 15 до 80 метров. Леса, в которых находились засеки, объявлялись заповедными, в них запрещалась порубка. Там, где было мало леса и не было болот, строили надолбы – тын из вбитых в землю высоких бревен делали земляные валы и рвы. Укрепленными пунктами были остроги – деревянные небольшие крепости в виде башни с воротами, строившиеся в месте, где засечную черту пересекала дорога. Именно у засек собирались русские войска, встречавшие татар при набегах. В 1555 году во время битвы в урочище Судьбищи, в 150 верстах южнее Рязани, именно у засеки воеводы Алексей Басманов и Степан Сидоров собрали отступающие русские войска и отбились от татар – Басманов «наехал в дуброве коши своих полков и велел тут бита по набату и в сурну играти и к нему съехались многие дети боярские и боярские люди и стрельцы, тысяч с пять или шесть, и тут осеклися».

Главными опорными пунктами-крепостями на укрепленной засечной черте, защищавшей южные границы Московского государства и охранявшей почти все переправы через Оку, были Таруса, Серпухов, Кашира и Коломна. При Василии III в 1514–1530 годах были построены крепости в Туле и Зарайске. Тогда же, с 1512 года, началась регулярная «ропись» русских полков по наиболее опасным направлениям татарских набегов «крымской украины». Крепости имели постоянные военные гарнизоны, а служилые люди – свои усадьбы. Передовой полк постоянно находился в Калуге. Большой гарнизон находился и в Тарусской крепости, выстроенной в виде земляного укрепления с деревянными башнями. Глубокий ров с водой соединял под крепостью реки Тарусу и Оку. В 1570 году там встречало Девлет Гирея все русское войско во главе с Михаилом Темрюковичем Черкасским – братом жены царя Ивана Грозного Марии. В Кашире с 1522 года находился сторожевой полк, а в 1531 году на левом берегу реки Каширки была построена деревянная крепость. Она была первой регулярной русской крепостью, построенной по использовавшемуся в русском фортификационном

строительстве конца XV–XVI веков типу ломбардских крепостей, рассчитанных на новую тактику ведения боя с использованием пищалей и орудий – «огненного боя». Крепость была построена в виде квадрата со сторонами 170 и 128 метров, стена из 180 «городен» – заполненных землей и камнями бревенчатых срубов была сооружена на земляном валу. По углам и в центре каждой из сторон квадрата стояли 8 башен, 2 из которых были с воротами. С конца XV века Кашира постоянно жаловалась «в кормление» переходившим к московскому великому князю татарским царевичам и мурзам – Магмет-Амину, Абдул-Латыфу и Шигалею. В Кашире часто стоял и татарский гарнизон «московских служебников», хорошо знавших тактику татарских набегов, что позволяло уверенно защищать граничные земли и город. В 1559 году каширский полк участвовал в разгроме тульским воеводой Иваном Татевым большого татарского войска во главе с Дивеем-мурзой. Однако при возвращении в Крым после взятия Москвы в 1571 году сотысячное войско хана Девлет Гирея сожгло Каширу дотла. В 1531 году был построен каменный кремль в Коломне, с длиной стен более двух километров. Высота стен достигала двадцати метров, толщина – 5 метров, ее охраняли 17 башен, самой высокой из которых была тридцатиметровая Свиблова башня. В 70-х годах XVI века население Коломны было значительно для того времени – более трех тысяч человек. Город имел 36 торговых рядов с 379 лавками. Во время набегов в городах находило убежище окрестное население, из-за постоянной опасности плена селившееся в лесу, подальше от Коломенской, Серпуховской и Каширской дорог. И хотя некоторые города и захватывались татарами – так, в течение XVI века Кашира разорялась более двадцати раз – свою задачу охраны и защиты местного населения они выполняли.

Главной крепостью, защищавшей Москву с юга, был Серпухов. Город впервые упоминается в завещании Ивана Калиты 1328 года, завещавшего город своему младшему сыну Андрею. В 1374 году, при князе Владимире Андреевиче, был закончен дубовый кремль. В конце XV века Серпуховское княжество прекратило свое существование и Серпухов превратился в пограничную крепость Московского государства, прикрывавший дорогу из Тулы, Рязани, Тарусы и Калуги на Москву. В сохранившемся описании, сделанном в 1552 года Серпухов – большой многонаселенный торговый город, в котором было 722 двора и 271 лавка. В 1556 году в городе была закончена постройка каменного кремля, с высотой стен до 9 метров и пятью башнями. После завершения постройки в Серпухове был проведен большой смотр русских войск в присутствии Ивана Грозного и размещен большой полк. Посад защищал деревянный острог, состоящий из надолбов и частокола. Перед острогом был выкопан ров. Берега Оки у города защищал тройной ряд свай с заостренными концами. С 1556 года во время набегов крымские татары предпочитали обходить Серпухов стороной.

В апреле 1572 года в Коломне был проведен смотр полков, прикрывающих южную границу страны, после которого войска разошлись по «разряду» – расписанию. С 1569 года русскую границу по Оке постоянно прикрывали 5 полков численностью около 60 тысяч человек.

Русские войска – большой полк из 8000 человек – под командованием князя Михаила Ивановича Воротынского собирались у Коломны, прикрывая Москву со стороны Рязани. При большом полку находился «гуляй-город» и почти весь наряд с воеводами князьями С.И. Коркодиновым и З. Сугорским. Полк правой руки воеводы князя Никиты Романовича Одоевского – 4000 воинов – стоял в Тарусе, полк левой руки князя А.В. Репнина – 2000 воинов – в Лопасне, сторожевой полк князя Ивана Петровича Шуйского – 2000 воинов – в Кашире. Передовой полк с воеводами князьями Алексеем Петровичем Хованским и Дмитрием Ивановичем Хворостининым находился в Калуге, и имея передвижной речной отряд из вятчан –

900 человек на стругах – для обороны переправ, прикрывал юго-западную границу. Иван Грозный покинул Москву и уехал в Новгород, забрав с собой царский полк и служилых татар – 10000 человек – и оставив за себя князя Юрия Ивановича Токмакова и князя Тимофея Долгорукого.

В начале июня 1572 года Девлет Гирей с ордой вышел из Перекопской крепости. Крымский хан требовал от Ивана Грозного возврата Казани и Астрахани, предложив ему вместе с турецким султаном перейти к ним «под начало, да в береженье». Крымский хан неоднократно заявлял, что «едет в Москву на царство». Одновременно с началом вторжения произошло организованное крымскими татарами восстание черемисов, остяков и башкир, – удар в спину, совпавший с нашествием хана на Москву. Восстание было подавлено военными отрядами Строгановых.

23 июля 1572 года стотысячное войско Девлет Гирея, состоящее из крымских, ногайских татар и турецких янычар с артиллерией, прошло по Дону к Угре и остановилось у Оки. Летописи говорят, что Девлет Гирей «прииде с великими похвалами и с многими силами на русскую землю и расписал всю русскую землю кому что дати, как при Батые». Участник Молодинской битвы немец-опричник Генрих Штаден, не всегда, правда точный, писал:

«На следующий год, после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить Русскую землю. Города и уезды Русской земли – все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; было определено – какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно, ибо он цари и государь всея Руси». Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь опять обратился в бегство – на этот раз в Великий Новгород, в 100 милях от Москвы, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы. Воинские, люди великого князя встретили татар на Оке, в 70 верстах или по-русски в «днище» от Москвы. Ока была укреплена более, чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять из-за них по татарам, когда те переплывали реку. На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако, им это не удалось. Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя, Дивей-мурза, с большим отрядом переправился далеко от нас через реку, так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Туг пошла потеха. И продолжалась она 14 дней и ночей. Один воевода за другим непрестанно бились с ханскими людьми. Если бы у русских не было гуляй-города, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей».

26 июля татары попытались переправиться на другой берег у Сенкина брода, у Дракина и Тишилова. Часть татарского войска во главе с главным военным советником хана Дивей-мурзой «перелезла» через Оку у села Дракино и зашла в тыл передовому и полку правой руки. После

кровавопролитного боя, татары Дивей-мурзы в обход Серпухова пошли на соединение с ханом. Располагавшаяся у Оки напротив Серпухова основная часть татарского войска с ханом Девлет Гиреем, оставив двухтысячный заслон для отвода глаз, также начало переправу через Оку. Первыми через Оку 27 июля у Сенькина брода, находившегося вниз по Оке в 21 версте от Серпухова и в 5 верстах выше впадения в Оку реки Лопасни, напротив деревни Никифоровой, переправились 20000 нагайцев мурзы Теребердея, рассеяв небольшой сторожевой полк будущего псковского героя князя Ивана Петровича Шуйского, а в ночь на 28 июля 1572 года все крымско-татарское войско перешло Оку. Хан Девлет Гирей по серпуховской дороге пошел на Москву, обходя Тарусу и Серпухов с востока, отбросив после кровавопролитного боя у верховьев Нары русский полк правой руки под командованием князя Никиты Романовича Одоевского и Федора Васильевича Шереметева. Сзади за татарами двигался передовой полк князей Хованского и Хворостинина, выжидавших удобный момент для нападения. За передовым полком шла все войско Михаила Воротынского. Неизвестный московский летописец сообщает, что русские воеводы «почали думати, чтобы как царя обходить и под Москвою с ним битися». Русские шли сзади – «так царю страшнее, что идем за ним в тыл; и он Москвы оберегается, а нас страшитца. А от века полки полков не уганяют. Пришлет на нас царь посылку, и мы им сильны будем, что остановимся, а пойдет людьми и полки их будут истомны, вскоре нас не столкнут, а мы станем в обозе бесстрашно».

28 июля в сорока пяти верстах от Москвы, у деревни Молоди, полк Хворостинина завязал бой с арьергардом татар, которым командовали сыновья хана с отборной конницей. Девлет Гирей отправил на помощь сыновьям 12000 воинов. Большой полк русских войск поставил у Молодей передвижную крепость – «гуляй-город», и вошел туда. Передовой полк князя Хворостинина, с трудом выдерживая атаки втрое сильнейшего врага, отступил к «гуляй-городу» и быстрым маневром вправо увел своих воинов в сторону, подведя татар под убийственный артиллерийско-пищальный огонь – «многих татар побили». Девлет Гирей, 29 июля расположившийся на отдых в болотистой местности в семи километрах севернее реки Пахры у Подольска, вынужден был прекратить наступление на Москву и, боясь удара в спину – «оттого убоялся, к Москве не пошел, что государевы бояря и воеводы идут за ним» – вернулся назад, собираясь разгромить войско Воротынского – «над Москвою и над городами промышляти бесстрашно не помешает нам ничто». Обе стороны готовились к бою – «с крымскими людьми травилися, а съемного бою не было».

30 июля у Молодей, между Подольском и Серпуховом, началось пятидневное сражение, которое стало в один ряд с Куликовской и Полтавской битвами, Бородинским сражением. Московское государство, практически раздавленное властью правнука Мамая царя Ивана IV Грозного, находившегося в Новгороде и уже написавшего письмо Девлет Гирею с предложением отдать ему и Казань и Астрахань, в случае поражения опять могло потерять свою независимость, завоеванную в тяжелейшей борьбе. Большой полк находился в «гуляй-городе», поставленном на холме, окруженным вырытыми рвами. У подножья холма за рекой Рожай стояли три тысячи стрельцов с пищальями. Остальные войска прикрывали фланги и тыл. Пойдя на штурм, несколько десятков тысяч татар вырубали стрельцов, но не смогли захватить «гуляй-город», понесли большие потери и были отбиты. 31 июля все войско Девлет Гирея пошло на штурм «гуляй-города». Ожесточенный штурм продолжался целый день, при штурме погиб предводитель нагайцев Теребердей-мурза. В битве участвовали все русские войска, кроме полка левой руки, особо охранявшего «гуляй-город». «И в тот день немалу сражения бышу, ото обои подоша мнози, и вода кровию смесися. И к вечеру разыдошася полки во обоз, а татаровя в станы свои».

1 августа на штурм повел татар сам Девей-мурза – «яз обоз русской возьму: и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием». Проведя несколько неудачных приступов и тщетно пытаясь ворваться в «гуляй-город» – прилазил на обоз многожды, чтоб как разорвать», Дивей-мурза с небольшой свитой поехал на рекогносцировку, чтобы выявить наиболее слабые места русской передвижной крепости. Русские сделали вылазку, под Дивеем, начавшим уходить, споткнулся конь и упал, и второй человек после хана в татарском войске был взят в плен суздальцем Темиром-Иваном Шибаевым, сыном Алалыкиным – «аргамак под ним споткнулся, и он не усидел. И тут ево взяли ис аргамаков нарядна в доспехе. Татарский напуск стал слабее прежнего, а русские люди поохрабрилися и, вылазя, билися и на том бою татар многих побили». Штурм прекратился.

В этот день русские войска захватили много пленных. Среди них оказался татарский царевич Ширинбак. На вопрос о дальнейших планах крымского хана он ответил: «Я де хотя царевич, а думы цареви не ведаю; дума де царева ныне вся у вас: взяли вы Дивея-мурзу, тот был всему промышленник». Дивей, сказавшийся простым воином, был опознан. Генрих Штаден позднее писал: «Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хазбулата. Но никто не знал их языка. Мы думали, что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили – как долго простоят крымский царь? Татарин отвечал: «Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили». Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивея-мурзу и сказал: «Вот он – Дивей-мурза!» Когда спросили Дивей-мурзу: «Ты ли Дивей-мурза?», тот отвечал:

«Нет, я мурза невеликий!» И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: «Эх, вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!» Они отвечали: «Ты сам в плену, а еще грозишься». На это Дивей-мурза возразил: «Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!» Воеводы спросили: «Как бы ты это сделал?» Дивей-мурза отвечал: «Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5–6 дней». Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага». Действительно, защитники «гуляй-города» все это время почти не имели ни воды ни провианта.

2 августа Девлет Гирей возобновил штурм «гуляй-города», пытаясь отбить Дивей-мурзу – «многие полки пеших и конных к гуляю-городу выбивати Дивея мурзу». Во время штурма большой полк Воротынского скрытно покинул «гуляй-город» и, продвигаясь по дну лощины позади холма, вышел в тыл татарскому войску. Оставшиеся в «гуляй-городе» полк князя Дмитрия Хворостинина с артиллерией и немецкие рейтары по условленному сигналу дали орудийный залп, вышли из укреплений и вновь завязали сражение, во время которого большой полк князя Воротынского ударил в татарский тыл. «Сеча великая была». Татарское войско подверглось полному разгрому, по сведениям некоторых источников в рубке погибли сын и внук Девлет Гирея, а также все семь тысяч янычар. Русские захватили много татарских знамен, шатры, обоз, артиллерию и даже личное оружие хана. Весь последующий день остатки татар гнали до Оки, дважды сбивая и уничтожая арьергарды Девлет Гирея, который привел назад в Крым только каждого пятого воина из числа участвовавших в походе. Андрей Курбский писал, что после Молодинской битвы ходившие с татарами в поход «турки все исчезоша и не возвратился, глаголют, ни един в Константинополь».

6 августа о Молодинской победе узнал и Иван Грозный. К нему в Новгород был 9 августа был доставлен Дивей мурза. (Московский государь достойно отблагодарил своего главнокомандующего – меньше, чем через год Иван Грозный придумал участие Михаила Воротынского в заговоре на царский трон, бросил его в тюрьму, лично пытал и полумертвого отправил в ссылку на Белоозеро. Отъехав с конвоем от Москвы на несколько километров, Воротынский умер от ран. Второй герой Молодинской битвы Дмитрий Иванович Хворостинин сумел уцелеть. В 1590 году Д. Флетчер писал: «Теперь главный у них муж, наиболее употребляемый в военное время, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками». В том же году войсками Дмитрия Хворостинина был разгромлен двадцатитысячный шведский отряд Густава Банера.)

С дороги Девлет Гирей отправил грамоту Ивану IV, в которой попытался спасти лицо, но только подтвердил ею, что нельзя спасти то, чего нет.

Грамота Девлет Гирея Ивану Грозному, отправленная после разгрома у Молодей.

«23 августа 1572 года.

А се перевод з Девлет Киреевы царевы грамоты.

Девлет Киреево царево слово московскому князю, брату моему Ивану князю Васильевичю после поклону слово с любовью то, что преже сего о Казани и о Астрахани холопа своего Янмагмет Хозигея к тебе посылал есми. И ты, о Казани и о Асторохани молвя:

«дадим», грамоту свою прислал, а уланом моим и временемником посланные свои грамоты прислал еси: как великое царево величество, поговоря, отставите, сколько казны похочет, и яз бы то дал; молвя, писал еси к ним. А ты что так лжешь и оманываешь? Потому, оже даст бог, сею дорогою пришед самому было мне о том говорити отселева, послав человека переговорити не мочно, потому что далеко. А з ближнего места опять мочно, человека послав, переговорити, что есми со всеми своими людьми пошел. И, наш приход проведав, на Оке на берегу хворостом зделали двор да около того ров копали, и на перевозе наряды и пушки еси оставив, да и рать свою оставил, а сам еси в Новгород пошел. И мы божиею милостию и помочью, дал бог здорово. Оку перелезчи со всеми своими ратьми, что делан двор и копаные рвы твои видели и с ратью твоею наши сторожи передние, повидевся не ото многа побилися да и мусульманская рать от нас прошалася и похотели дело делати. И яз молвил, что он, холоп, по государскому своему велению пришел, мне с ними что за дело. А нашего величества хотенье до князя их; молвя, их не освободил; пошли тебя искати, хотели есмя стати, где б сел и животины много, хотели есмя к тебе послати, где ни буди, посла да с тобою переговорити. И сею дорогою хотели от тебя ответ прямой взята; молвя, шли были, а что твои рати назади за мною шли, – и назади у меня дети, увидев, без нашего ведома бой был, которые богатыри серпа своего не уняв, на серцо свое надеяся, немногие наши годные люди билися и двух добрых взяли де, что дети мои без нашего ведома билися; на детей своих покручинився, назад пришед твоих людей около есми облег. И которая нагайская рать со мной была, учили они говорити, что пришли есмя из нагами пять месяц и нам лежать не прибыльно и лошадем истомно; молвя, все заплакали и нужю свою нам в ведомо учинив, заплакав, на ногу пали. И мы потому, пожелючи их, и слова их не отставили, со всеми мусульманскими ратьми и с лошадьми со всеми здорово потише поворотилися. Кто есть для нас делал на берегу двор и ров, и столко маялися, и мы тот двор ни во что покинув да перелезли, что было на перевозе твоей рати, наши люди, дело и бой учинив и погнав на силу, перелезли; что есте маялися месяцы три или четыре. Приходу нашему хотенье: с тобою поговоря, попрержнему на свою роту и о добре быта или прямой ответ от тебя взяти. Хотенье мое было: с тобою на встрече став, слова не оставив, переговорити. А рать наша прямо

с твоею ратью хотели делати. И хотенье их то было, и мы не ослободили. А твоя рать, вшедши в город, свою голову оборонили. И со страхов дети боярские и пригодные люди твои всяк о своей голове колодези де копали; толко б из городавышли, – наша бы рать, против став, билися;

хотя бив городе твоя рать стояла, обороняв свои головы; хотели наши с ними делати, и мы не отпустили, пожалели: сталося ли бы не сталося – то дело обычное, и мы рати своей не потеряли. И будет тебе та твоя рать не надобе, и нам наша рать всегда пособщик. Что твои олпауты тебе посолжуют и похвастуют, и тому б еси веры не нял: что есмя их худо зделали, – и тебе ведомо будет. И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь, – другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду; от детей и до внучат межь нами в любви, быв роту и шерть учинив, нам поверишь. И мы с своими чесными князи сущего своего человека Сулешева княжого сына, холопа своего Мурат мирзу з здешними твоими послы, гораздо почтив, честно отпустим. И сын наш Адыл Гирей царевич там царь будет, тебе от него некоторого убытка и насильства не дойдет по нашему приказу; быв которые наши холопы по нашему приказу тебе и пособники будут, другу твоему друг буду, тебе много добра было б. А Казань и Асторохань наши юрты были, из наших рук взял еси; и ныне назад нам не хотите отдати; однолично мы о тех городех до смерти своей тягаться нам того у вас; не возьмем, – и нам то грешно: в книгах у нас так написано: для веры однолично голову свою положим. И только казну и куны дашь нам, – не надобе; а будет бы мы похотели для казны в дружбе быти и сколько еси по ся места ко мне кун посылал, – для бы кун яз был в дружбе с недругом троим, с королем был».

За время своего правления Девлет Гирей и его сыновья постоянно нападали на московские земли. Набеги заканчивались грабежами и уводом пленных, но территориальных захватов не произошло. В татарских и турецких исторических памятниках есть только краткие сообщения о том, что Девлет Гирей «несколько раз совершал победоносные походы против гяуров – товарищников». Так, о набеге на Москву 1571 года крымские историки пишут только, что опустошение Москвы длилось сорок дней, не указывая даже года. После Молодинской битвы Крымское ханство вынуждено было отказаться от многих своих притязаний к России.

Благодаря Молодинской победе была отменена опричнина, полностью изжившая себя – опричники при приближении татар попросту разбежались. Царь уничтожил почти всех главных опричников и запретил произносить само слово. Несмотря на войну на два фронта Россия разгромила одного из своих давних противников и отстояла свою независимость. Угроза суверенитету страны была ликвидирована. Поволжье – территория бывших Казанского и Астраханского ханств – осталось за Россией. В книге «Русская военная сила», вышедшей в Москве в 1892 году, о Молодинской битве написано: «Победою при Молодях князь Воротынский спас Москву от нового разгрома, утвердил во власти Иоанна Астрахань и Казань и надолго обеспечил южные пределы государства от вторжения хищников».

«...Бояром подлинно стало ведомо, что царь хочет русские полки обойти прямо к Москве и над Москвою промышляти. А по смете и по языком с царем и царевичи и с пашею турских и крымских и нагайских, и черкасских людей 150000 и больши, да вогненного бою было 20000 янычаней, а государевых людей было во всех полках земских и опришных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50000, литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимских 5000, стрельцов 12000, поморских городов ратных людей, пермиць, вятчан, коряковцов и иных 5000. И как царь пошел к Москве, а бояря и воеводы со всеми людьми полки пошли за ними в днище, а шли тихо. И почали бояря и воеводы думати, чтобы как царя обходить и под Москвою с ним битися. И говорит боярин воевода князь Михаилю

Иванович Воротынский: «Так царю страшнее, что идем за ним в тыл, и он Москвы оберегается, а нас страшитца. А от века полки полков не уганяют. Пришлет на нас царь посылку, а мы им сильны будем, что остановимся, а пойдет всеми людьми, и полки их будут истомны, вскоре нас не столкнут, а мы станем в обозе безстрашно» И на том и положили.

А царь учал думати, что «идем к Москве, а русские полки за нами идут не малые, а татарские обычаи лакомы – пришед под Москву, станем; а люди пойдут в розгон добыватца, а те станут приходить на нас. Поворотимся ныне на русские полки и, побив тех, учнем над Москвою и над городы промышляти безстрашно, не помешает нам ничто». И на том положили. И царь стал, не доходя Похры. А русские полки стали на Молодях. А три тысячи стрельцов поставили от приходу за речкою за Рожаею, чтобы поддержати на пищалех. И царь послал нагаи 40000 на полки, а велел столкнута. И русские полки одернулись обозом. И столь прутко прилезли, которые стрельцы поставлены были за речкою, ни одному не дали выстрелить, всех побили. А полки одернулись обозом, из наряду близко не припустили. И на другой день царь пришел сам. Стал за пять верст. А послал на обоз всех людей. И со все стороны учали к обозу приступати. И полки учали, выходя из обозу, битися: большей полк, правая рука и передовой, и сторожевой, которой же полк по чину. А левая рука держала обоз. И в тот день немалу сражению бывшу, от о бою падоша многий, и вода кровию смесися. И к вечеру разыдошася полки во обоз, а татаровя в станы своя. В третий же день Дивеймурза с нагаи сказався царю похвально и рек: «Яз обоз русский возьму, и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием». И прилазил на обоз многожды, чтоб как как разорвать, и бог ему не попустил предати христианского воинства. И он поехал около обозу с невеликими людьми разсматривать, которые места плоше, и на то б место всеми людьми, потоптав, обоз разорвати. И из обозу бояря послали сотни. И Дивей мурза своих татар стал отводить. И скачет на аргамаке, и аргамак под ним споткнулся, и он не усидел. И тут ево взяли и с аргамаков нарядна в доспехе. Первую руку наложил на него сын боярской суздалец Иван Шибаев сын Алалыкин и инии мнозии. И татаровя пошли от обозу прочь в станы. А Дивей мурзу привели к бояром, и он сказался простым татаринном, и его отдали держать, как иных языков. И того же дня к вечеру был бой, и татарский напуск стал слабее прежнего, а русские люди поохрабрилися и, вылазя, билися, и на том бою татар многих побили. Да тут же взяли Ширинбака царевича и привели к бояром. И бояря стали спрашивать: «Что цареве умышление?» И он им сказал: «Яз де хотя и царевич, а думы царевы не ведаю, думы де Цареве ныне вся у вас: взяли вы Дивей мурзу, тот был всему промышленник». И бояре велели сводить языки. И как привели Дивей мурзу, и царевич стал перед ним на коленках и бояром указал: «То Дивей». И сам сказался. И в полках учала быта радость великая. А Дивей умышленье цареве сказал и то говорил: «Взяли де бы вы царя, и яз бы им промыслил, а царю де мною не промыслить». А царь посылал под Москву языков добывати, и привели человека благоразумна, ему ж бог вложил совет благоизволи умерети и польза души сотворите. И начаше его спрашивать: «Где государь и кто на Москве, и нет ли прибылых людей?» И он в роспросе сказал: «Государь был в Нове городе, а ныне, собрався с новгородскою силою и с немцы, идет к Москве. А перед государем при мне пришел боярин и воевода князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним 40000 войска. И яз пошел, и на Москве учал быта звон великий и стрельба. И, чаю, пришел и государь. А завтра резвые люди будут в полки к бояром». А бояря велели перед зарею из большого наряду стрелять и по набатам и по накрам бить, и в трубы трубить на радости, что Дивей мурзу взяли. И царь утрашился, чает, что пришли в обоз прибылые люди, и того часа и поворотил, пошел наспех за Оку. О, судеб твоих, владыко, и милости твоя, царю небесный! Како сильнии падоша, а немощнии препоясашаяся силою, не до конца на ны прогневался, но избави нас от агарянского насилия. В первый приход оскорби, ныне же обрадова! Бояре же и воеводы и все христоролюбивое воинство радостными гласы восклицающе: «Десница твоя, господи, прославися в крепости,

десная ти рука, господи, сокруши враги и истерл еси, супостаты». И сию преславную победу возвестили государю царю и великому князю Ивану Васильевичи) всея Руси, сушу в Нове городе, послали, с сеунчем князя Данила Андреевича Нохтева Суздальскова да Алексея Старого. А к Москве, к митрополиту Кириллу Московскому и всея России и к боярину и воеводе ко князю Юрию Ивановичу Токмакову, сказати велели же. И бысть на Москве и по всем градам радость неизреченная, молебные пения з звоном. И с радостию друг со другом ликующе.

И как государь пришел к Москве, и бояр и воевод князя Михаила Ивановича Воротынскова с товарищи по достоянию почтил; последи же, похвалы ради людские возненавидев Воротынскова и измену возложив, свершити его повеле».

Неизвестный московский летописец XVII века, составленный в 1635–1645 годах в окружении патриарха Гермогена, из музейного собрания Российской государственной библиотеки.

Заключение

Русский историк И.И. Смирнов писал:

«Твердость проявленная Московским государством в ответ на турецкие притязания на Казань и Астрахань, удачные военные действия против крымского хана Девлет Гирея, в рядах которого, как известно, были не только ногайцы (мурза Керембердеев с 20 тысячами человек), но и 7 тысяч янычар, присланных хану великим везирем Мехмед-пашой, наконец, удачный набег донских казаков в 1572 году на Азов, когда они, воспользовавшись разорением города от взрыва порохового склада, причинили турецкому гарнизону большой ущерб, – все это несколько отрезвило султанское правительство. Кроме того, Турция после 1572 года была отвлечена борьбой, которую султану Селиму II пришлось вести в Валахии и Молдавии, а затем и в Тунисе.

Вот почему, когда в 1574 году умер Селим II, новый турецкий султан Мурад III решил отправить в Москву специального посла с извещением о смерти Селима II и своем воцарении.

Это был знак примирения, особенно приятный для России, так как предшественник Мурада III, его отец Селим II, не считал нужным известить московское правительство о своем воцарении.

Однако турецкая вежливость вовсе не означала отказа от враждебной наступательной политики.

Стратегическая задача турок состояла в том, чтобы образовать через Азов и Северный Кавказ сплошную линию своих владений, которые, начиная с Крыма, опоясывали бы с юга Русское государство. При успешном выполнении этой задачи турки могли не только пресечь всякие сношения России с Грузией и Ираном, но и держать эти страны под ударом и вечной угрозой неожиданного нападения».

Стратегическое противостояние России и Турции продолжалось еще более двух веков, но начало российских побед было положено именно в Молодинской битве, а победная российская точка в турецких делах была поставлена в войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов «екатерининскими орлами» – Василием Михайловичем Долгоруковым, Александром Васильевичем Суворовым и, позднее, Михаилом Илларионовичем Кутузовым – за несколько лет до Бородинского сражения в битве с турецким войском под Рущуком.

Библиография

Новгородская вторая летопись. ПСРЛ, т. III, СПб, 1841.

Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. Вып 2. Документы по истории XV–XVII веков. М, 1955.

Краткий летописец времен опричнины. Исторические записки, т. 10. М, 1940.

Разрядные книги краткой и сокращенной редакции. Древняя российская вивлиофика, ч. XIII, изд. 2. М, 1790. Синбирский сборник, т. 1. Разрядная книга. М, 1844.

Акты Московского государства. СПб, 1890.

Акты исторические, относящиеся к России, собранные А.И. Тургеневым. СПб, 1841.

Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М, 1957.

Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. СПб, 1909.

Масловский Д. Записки по истории военного искусства в России. СПб, 1891.

Строков А.А. Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М, 1949.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV веке. Л, 1976.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М, 1925.

Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб, 1908.

Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России. СПб, 1884.

Курбский А. Сочинения. Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб, 1914.

Горсей Д. Записки о России. XVI–XVII века. М, 1990.

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб, 1905.

Льзлов А. Скифская история. М, 1990.

Левашов П. Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков. СПб, 1792.

Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в XVI веке. СПб, 1891.

Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. П, 1922.

Шамбинаго С. Песни времен царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914.

Археологический ежегодник. 1962.

Из истории межславянских культурных связей. Институт славяноведения АН СССР. Ученые записки, т. 26. М, 1963.

Щербатов М.М. История Российская. М, 1789.

Серебряников С. Родословие ярославских владетельных князей. СПб, 1841.

Шмурло Е.Ф. XVI век и его значение в русской истории. СПб, 1891.

Очерки русской культуры XVI века. М, 1977.

Сахаров А.М. Образование и развитие единого Российского государства в XIV–XVI веке. М, 1969.

Смирнов И.И. Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века. М-Л, 1958.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI веке. М, 1962.

Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. М, 1984.

Шмидт С.О. Становление Российского самодержавия. М, 1973.

Зимин А.А. Россия времен Ивана Грозного. М, 1982.

Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М, 1964.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М, 1968.

Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М, 1961.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М, 1975.

- Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. М, 1888.
- Новосельский А.А. О борьбе Московского государства с татарами в XVII веке. М-Л, 1948.
- Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб, 1889.
- Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. СПб, 1909.
- Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства. М, 1954.
- Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М, 1952.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М, 1969.
- Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб, 1897.
- Мятлев Н.В. Тысячники и Московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.
- Чернов А.В. Образование стрелецкого войска. Исторические записки АН СССР. Вып. 38, 1951.
- Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе. М, 1846.
- Маслов П.Д. Русское военное искусство второй половины XVI века. Харьков, 1954.
- Марголин С.Л. Оборона русского государства от татарских набегов в XVI веке. Военно-исторический сборник. Труды ГИМ. Вып. XX. 1948.
- Греков И.Б. Османская империя. М, 1984.
- Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI веков. М, 1963.
- Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.
- Бурдей Г.Д. Борьба России против агрессии султанской Турции и Крымского ханства. М, 1953.
- Вопросы истории, 1972, № 8. (Преславная победа).
- Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. В. 32, М. 1971 (Буганов В.И., Корецкий В.И. Неизвестный московский летописец XVII века).
- Материалы по истории СССР. т. 2. М, 1955. (Пискаревский летописец).
- Веселовский С.Б. Духовное завещание Ивана Грозного. Известия АН СССР, т. IV, № 6, 1947.
- Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XVI–XIX веков. М, 1955.
- Фехнер М.В. Коломна. М, 1966.
- Голубева Е., Гужов А. Путеводитель по Коломне. М, 1970.
- Ефремцев Г.П., Кузнецов Д.Д. Коломна. М, 1977.
- Кириллова Ю.М. Дальними дорогами Подмосковья. М, 1983.
- Гостунский Н.Н. Таруса – древний город на Оке. М, 1965.
- Дунаев М.М., Разумовский Ф.В. В среднем течении Оки. М, 1982.
- Малинин Д.И. Калуга. Калуга, 1992.
- Николаев Е.В. По калужской земле. М, 1970.
- Фехнер М.В. Калуга. М, 1971.
- Фехнер М.В. Калуга, Боровск. М, 1972.
- Калуга. Тула, 1978.
- Прусаков А.П. Город Кашира. М, 1947.
- Памятники архитектуры Московской области, т. 1, 2. М, 1975.
- Пронин А., Соловьев Ю. Город Чехов и его окрестности. М, 1977.
- Дунаев М.М. К югу от Москвы. М, 1978.
- Города Подмосковья, кн. 1–3. М, 1981.
- Дубинская Л.С. Подмосковье: музеи, мемориалы, памятники. М, 1985.
- Аристов С. Город Серпухов. М, 1947.

Ильин М.А, Подмосковьє. М, 1974.

Разумовский Ф.В. На берегах Оки. М, 1988.

Гарин Г. и др. Серпухов. М, 1989.

Набег Крымского хана. Запись песни XVI века

А не сильная туча затучилась,
А не силнии громы грянули,
Куда едет собака Крымский царь?
А ко силнему царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдём, Резань возьмем».
А как будут они у Оки-реки,
а тут они станут белы шатры роставливать.
«А думайте вы думу с цела ума:
Кому у нас сидеть в Каменной Москве,
а кому у нас в Володимере,
а кому у нас сидеть в Суздале,
а кому у нас держать Резань старая,
а кому у нас в Звенигороде,
а кому у нас сидеть в Новегороде?»
Выходит Диви-мурза сын Уланович.
«А еси государь наш. Крымский царь!
а тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
а сыну твоему во Владимире,
а племяннику твоему в Суздале,
а сродичу в Звенигороде,
а боярину конюшему держать Резань старая,
а меня, государь, пожалуй Новым-городом:
у меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
Диви-мурза сын Уланович».
Прокличет с небес господен глас:
«Ино еси собака крымский царь!
то ли тебе царство не сведомо?
а еще есть на Москве семьдесят апостолов,
оприщенно трех святителей,
еще есть на Москве православный царь!»
Побежал еси, собака Крымский царь,
не путем еси – не дорогою,
не по знамени не по черному!

Исторические песни XIII–XVI веков. М, 1960.

В исторических документах сохранена древняя орфография.